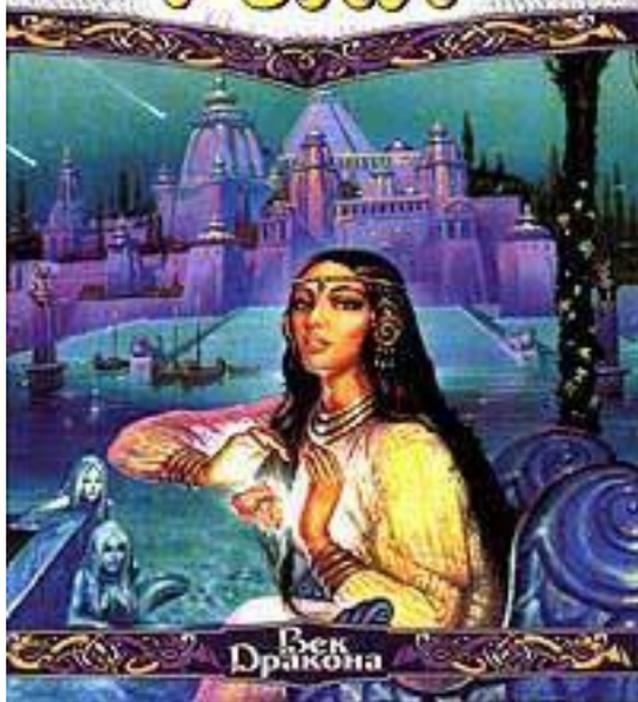

Грегори Киз
ДЕТИ ВЕЛИКОЙ
РЕКИ

Грегори Киз

Дети Великой Реки

Серия «Дети Великой Реки», книга 1

Библиотека Старого Чародея, Spellcheck – Олег Кунаков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125884

Киз Г. Дети Великой Реки: АСТ; М.; 1999

ISBN 5-237-02708-3

Оригинал: J. GregoryKeyes, "The Waterborn", 1996

Перевод:

Азалия Александровна Ставиская

С. Шик

Аннотация

Это было тогда, когда боги еще бродили по земле, еще помогали людям, еще сражались между собою... Это было тогда, когда богини еще дарили свои сердца смертным, а те во имя любви совершали невозможное... Это было тогда, когда принцесса взмолилась, чтобы пришел из далекой дали герой и спас ее от жребия, ей уготованного, – от ужаса, что был хуже смерти. Взмолилась, еще не зная, что мольба ее будет услышана... Это было тогда, когда странствовали, бились, погибали и побеждали дети Великой Реки...

Содержание

ПРОЛОГ. ИЗ СЕДОЙ ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ	7
I	7
II	25
III	45
IV	62
V	77
VI	92
ИНТЕРЛЮДИЯ	113
VII	118
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРОКЛЯТЫЕ И БЛАГОСЛОВЕННЫЕ	141
I	141
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Грегори КИЗ

ДЕТИ ВЕЛИКОЙ РЕКИ

ПРОЛОГ. ИЗ СЕДОЙ ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ

Гора раскололась с грохотом, словно обрушились тысячи громов, и из пролома с визгом вырвался к небу смерч живого пара. Ветры и воды несли пылающие многоцветные молнии, пальцы-щупальца какого-то разгневанного Бога. Другой Бог, облаченный в плоть серебристой птицы, стремительно летел куда-то, отчаянно махая крыльями. От первого же удара крылья обломались, огненная вспышка спалила перья и кожу на костях, которые тут же унес ветер. Боль была нестерпимая: такой он еще никогда не испытывал, хотя за вечность, прожитую им, ему не раз приходилось переносить страдания.

На ходу обретая новое тело из воздуха и черного дыма, он удвоил усилия, пытаясь обогнать смерч, невообразимый источник энергии, которую он высвободил. Он двигался у многокрасочного края бури против ветра, сотни раз распадаясь на части и снова восстанавливая свою целостность. Рваные раны гор, лужи запекшейся крови плоскогорий с чудовищ-

ной скоростью проносились под ним, непостижимые и смертоносные, как взгляд василиска.

Бог впервые за свое существование испытывал настоящий страх. Кто бы мог подумать, что у Брата столько мощи и столько злобы? Он видел, как позади него воздух сжигает себя, вспыхивая ярко, как молния, во много раз ярче, чем солнце. Как красиво, подумал он. Но если меня настигнет Брат, меня ждет смерть, вечная, необратимая... И возможно, я сделал ошибку.

Подтянув толстые нити жизни, он полетел так быстро, как никто не летает, кроме ветра, пока у него, как у загнанного коня, не иссякли последние силы, и он стал камнем падать вниз.

Смерч пронесся над ним, ударил в вершину горы и вдребезги разнес ее.

Бог грохнулся на землю и остался лежать там, глядя, как небо наверху постепенно становится чернее сажи, а солнце все больше тускнеет и превращается в желтый охристый глаз, тоже вскоре исчезнувший.

Теперь-то Брат точно меня найдет и смерти не миновать, думал он. Зря я всегда считал себя таким умным и хитрым.

Но земля поглотила его, приняла в свое лоно и бережно укрыла от опасности. Над землей с течением времени пар перешел в дождь и напоил водой высохшие до основания холмы и расчлененные долины на два десятилетия вперед.

Прошло, однако, гораздо больше времени, прежде чем

Бог проснулся. Новые кости обросли плотью. Он напряг крылья и, чувствуя, как горячая золотистая кровь клокочет в жилах, сделал усилие и вырвался наружу из уютного чрева.

Он сразу же увидел, что мир вокруг переменялся. Повсюду громоздились высокие деревья и копошились тысячи живых смертных существ, которые когда-то, давным-давно, являлись ему в видениях. Расковав Брата, – он, Жизнь и Смерть, поднявшись в воздух, полетел над новым миром. Под ним был зеленый ковер, залеченные временем взорванные горы. А Брат его лежал спокойно, и было видно, что он больше не гневается. Он вился по земле блестящей голубой змейкой. Река. Он показался птице очень красивым.

Но и Птица тоже переменялась, утратила былую красу: перья потемнели, и прекрасная серебристая Птица стала черной как уголь.

Но Птица об этом тут же забыла. Мир вокруг был новый и странный, и в нем было достаточно места для проказ.

Не успела Птица моргнуть желтым глазом, как пролетело еще пять тысячелетий.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

I ПРИНЦЕССА И КРОМЕШНАЯ ТЬМА

Хизи стояла над черной бездной, чувствуя, как прохватывает ее всю до костей ветром, вырывающимся из пропасти словно дыхание какого-то гигантского зверя. Она все еще не могла опомниться от неожиданного падения, хотя сейчас у нее под ногами была сырая глина, скользкая, как спина саламандры у матери в садовом пруду. Ее била дрожь – никогда прежде она не видела такой тьмы. За три года с тех пор, как она обнаружила тесные узкие туннели в старом дворце, она ни разу не решилась выбраться за пределы верхних этажей туда, где потолок превратился в кружевную паутину из крошащегося камня, совсем недавно забранного для стока воды решеткой из твердых разлапистых корней дерева оуэй. Зато сквозь такой потолок пробивались лучики света, которые освещали ей путь во время странствий по дворцу. Ее комната тоже была освещена крошечными светильниками дале-

ких звезд, глядящих вниз сквозь разверстную крышу соседнего двора.

Но сейчас ее окружала швенгву, крошечная тьма, о которой она знала лишь из книг, и тьма эта была чернее ее собственных волос. А позади слабый серый свет лепился к ногам, будто верный пес, который знает, что хозяйка слепо идет навстречу своей беде и поэтому изо всех сил рвется к ней.

Держась руками за мокрую стену с сочащейся водой, она медленно продвигалась вперед, маленькие голые ступни с чавканьем хлюпали в сырой глине. А туфельки – ее прелестные туфельки – остались лежать за вторым поворотом, там, где сломанная лестница исчезла под слоем глины. Сколько лет лежит здесь погребенный нижний дворец? Она вспомнила рассказы о потоке, но никто ни разу не говорил, когда именно все случилось. Ей казалось, это произошло в правление Кью-аната. Когда-нибудь она узнает все точно. Может, это было во времена Оу-аната?

Хизи вскрикнула, неожиданно поскользнувшись, и тьма, будто гигантская ухмыляющаяся пасть, снова готова была проглотить ее. Дрожь не унималась, но все же ей удалось устоять на ногах. Надо вернуться обратно, как она всегда делала. Поскорее вернуться. Страх, совсем как сверчок, неистово верещал в груди. Сегодня она зашла дальше, чем обычно. Но сегодня у нее была цель – и теперь уже не праздное любопытство заставило ее углубиться в туннель. Дьен. Он был здесь внизу, где-то совсем близко. Жрецы увели его,

именно увели. Хикис, маленькая служанка Дьена, рассказала ей об этом. Когда жрецы хватают кого-нибудь из королевской семьи, все знают, что они уводят его с собой. Они увели его вниз по лестнице за тронным залом в старый дворец, и дальше еще глубже, туда, где сама Река заполняла скрытый под землей фундамент, на котором стоит город. И никто никогда больше не видит тех, кого уводят жрецы. И никто не произносит их имена, не добавляя к ним слово «ната», означающее, что отныне они духи.

Дьен-ната, сказала про себя Хизи и тут же почувствовала, как к горлу подступают слезы. За свои десять лет она виделась с матерью раз двенадцать, не более, с отцом, может быть, раз двадцать. Они были ласковы с ней, но боги и те казались ей ближе. Дьен, ее двоюродный брат, был на три года старше, добрый, мягкий мальчик. Лучший ее друг, не считая вырастивших ее слуг и служанок. Единственный друг во всей королевской семье. Все свободное время они проводили вместе, носились по всему огромному пустому дворцу, старались не попадаться на глаза своим телохранителям и слугам, подсматривали за взрослыми. А теперь Дьена больше нет, его забрали от нее.

Хизи поклялась себе, что отыщет его. Она не могла спуститься по Лестнице Тьмы, куда увели Дьена, но она знала другие ходы, ведущие в подземелье. Должен же быть какой-нибудь способ добраться до Дьена и спасти его от судьбы, которую уготовили ему жрецы.

Она насчитала впереди тринадцать ступеней; скат становился все круче, но зато потом полностью выравнивался. Бедные ее ноги то и дело натыкались на куски расколотых кирпичей, которые свалились сверху. Чтобы не упасть, она крепко обхватила руками стенку слева. Тьма, казалось, никогда не кончится, хотя она знала, что коридор, по которому она шла, был не шире вытянутой руки, и, чтобы убедиться в этом, она протянула правую руку, пытаясь нащупать стенку.

К ее великому изумлению, стены не было – коридор расширялся. Озадаченная, Хизи сделала еще несколько шагов.

И вдруг ноги соскользнули с опоры, будто ее кто-то толкнул, и она, беспомощно всплеснув руками, полетела на мокрый пол. Из груди вырвался отчаянный крик, дыхание оборвалось, но прежде, чем она успела это осознать, почувствовала, что куда-то скользит.

Потом было долгое падение. Казалось, прошла вечность до того, как свежие порывы воздуха сменились чудовищным зловонным взрывом – ей почудилось, что он спалил половину ее тела и вырвал ее маленькую душу, оставив свинцовый труп на съедение нечисти, что кишела в этих глубоких подземных прудах. И вот теперь она очутилась в одном из таких прудов. Вода была теплая, как в ванне, и пахла гнилью. Юбка, под которой были надеты еще две нижние, наполнилась воздухом и какой-то миг удерживала ее на плаву – этого мгновения оказалось достаточно, чтобы обрести дыхание, наполнив усталые легкие вонючим воздухом. Она все еще не

пришла полностью в себя, когда одежда начала набухать и тащить ее вниз. Не будь она в тяжелом шоке, она испытала бы ужас при виде того, с какой скоростью ее привычное платье превращается в мощную цепкую руку, затягивающую ее под воду.

Но у нее все же хватило сообразительности сбросить юбки. Тоненькое узкобедрое тело десятилетней девочки легко выскользнуло из намокшей одежды, хотя прежде, чем окончательно погрузиться в воду и исчезнуть в глубине, юбки облепили ноги вокруг лодыжек.

Плывать по-настоящему она не умела, но она могла хотя бы ходить в воде. Слава богам, на ней не было тяжелого парчового жилета – он остался там же, где и туфельки, а рубашка из тонкого полотна почти ничего не весила.

Но совсем скоро и эта легкая рубашка покажется ей тяжелым грузом – так она устала и заоченела.

Именно в эту минуту Хизи поняла, что смерть – это самый простой и легкий выбор, но ей не хотелось добровольно сдаться. Вода, несмотря на всю ее зловонность, не была ей противна. Вода как бы укутала ее заботливыми руками, укрыла теплым одеялом. И она вдруг подумала, что вода, это и есть Река, дарующая жизнь, ее царский предок. Ее, Хизи, далекий предок. И может статься, что Река принимает к сердцу все ее дела, знает, как она глубоко несчастна и в каком тоскливом одиночестве протекают ее дни. Так было бы просто войти в чрево Реки, вернуться к самым истокам. И

тогда, быть может, они с Дьеном снова были бы вместе.

Но нет, ей хотелось жить, если даже жизнь ненавистна. Для нее это было удивительное откровение. Даже когда Хизи стояла на крытой красной черепицей крыше Большого Зала и с тоской смотрела на аккуратно вымощенный двор внизу, она ни разу не испытывала ничего подобного. Как только она решала лишиться себя жизни, она всегда отступала. Крыша ей нужна была лишь для того, чтобы убедиться, что у нее, по крайней мере, остается выбор, важный шаг, который должна сделать она сама. Ей нужна была не смерть, а возможность решать самой. Угроза смерти не по своей воле уничтожила эту возможность, что было понятно даже ей, десятилетней девочке.

«Мне не хочется умирать, – думала она. – Но я все равно не выживу».

И в эту минуту Хизи услышала, как кто-то зовет ее. Это был голос Тзэма, ее телохранителя, над которым она вечно посмеивалась. Она считала его глупым и не желала, чтобы он всегда ходил за ней.

– Тзэм! – закричала она что было мочи. – Я упала, я тону!

В высоте над ней забрезжил слабый желтый свет, затем свет ярко разгорелся над черной четкой линией, как разгорается встающее на востоке солнце. Черная линия, должно быть, была краем пропасти, с которой она сорвалась.

В освещенном пространстве выделялся яркий фонарь, в свете которого она, всмотревшись, разглядела грубое лицо

Тэма.

– Госпожа? – пролаял он глухим от волнения голосом. – Я вижу тебя, госпожа. Пробрерись к стене. Держись за нее, я сейчас за тобой спущусь.

В едва брезжащем свете она увидела стену, о которой, очевидно, говорил Тэм. Она упала за край того, что было когда-то лестничным колодцем, куда она и спускалась. Пруд был наполовину затопленным залом, и лестница, несомненно, шла дальше вниз и доходила до пола, который, видимо, был двумя футами ниже. Как же она не сообразила! Если добраться до стены, можно дойти до места, где лестница входит в воду, и вскарабкаться на нее.

Хизи вдруг почувствовала, что смертельно устала и у нее ни на что не осталось сил. Что там делает Тэм? Она не понимала, почему он не идет. Свет от фонаря по-прежнему ярко светил наверху.

Она все же сумела добраться до стены. Стена была скользкая, ужасно скользкая, и ухватиться за нее было невозможно. Колотя по воде ногами, Хизи пыталась с помощью рук двигаться толчками вдоль стены. Нет, надо найти кого-нибудь, кто бы научил ее плавать, если она, конечно, останется в живых.

Ее почти покинули силы, когда она услышала всплеск, и поверхность воды рассыпалась миллиардами тускло светящихся брызг. Ее подхватили огромные руки, подобные каменным колоннам, поддерживающим Большой Зал, и слегка

приподняли, так что лицо ее оставалось над водой. Она чувствовала, как работают под ней мощные мускулы, казалось, что ее, словно повелительницу бурь, несет водяной смерч.

К тому времени, когда они, наконец, очутились у края лестницы, Тзэм дрожал всем телом от непомерного напряжения. Опустив Хизи на мокрую глину, он плюхнулся тут же рядом на скате. Слушая свист, вырывающийся, как у старого пса, у него из груди, Хизи почувствовала, что у нее в легких начинается какое-то жжение.

– Неужели я такая тяжелая, Тзэм?

– Нет, госпожа, – прохрипел он в ответ, потом голос его постепенно окреп. – Нет, конечно, ты ничего не вешишь. Кто и вправду тяжелый, так это Тзэм. Думаю, мой род не создан, чтобы плавать.

– У тебя нет рода, Тзэм, – сказала Хизи, не сознавая, как мучителен этот разговор для ее верного стража. Поняла она это гораздо позже, спустя несколько лет.

Тзэм ничего не ответил, потом у него вырвался горький смех, похожий на хрюканье.

– Ты права, госпожа, несмотря на то, что моя мать... она, конечно, не была создана, чтобы плавать. Великаны стараются держаться от воды подальше. Отец мой был такой же человек, как и ты, малышка, и плавал он, видимо, ненамного лучше тебя. – Помолчав, Тзэм добавил: – Только вот ума у него было побольше.

Он схватил ее в охапку и поднял на свои могучие пле-

чи. Вверх по склону он полз на четвереньках до места, где все еще горел фонарь. Теперь Хизи видела, что фонарь стоит на площадке, на самом верху. Интересно, кто же был тот принц, который в древности соорудил лестничную площадку, каменную ровную плиту длиной всего в несколько шагов, чтобы принять подобающую позу, прежде чем спуститься к гостям?

Тзэм поставил Хизи возле фонаря и стал тщательно ее осматривать – нет ли на ней ран и царапин. Его толстые пальцы бережно касались ее кожи. Он был огромный, как глыба, хотя лет ему было не больше семнадцати. И был он на полторы головы выше всех мужчин, которых Хизи доводилось видеть. Даже если бы она раскинула руки, ладошки ее все равно бы не дотянулись до его плеч, такие они были широкие. Под бледной кожей так и ходили похожие на канаты мускулы. Когда он улыбался, обнажались огромные зубы цвета слоновой кости, похожие на игральные кости, какими обычно пользуются солдаты. С рождения ему была уготована роль телохранителя для королевской семьи. Его мать, теперь уже ната, принадлежала к самой избранной свите отца Хизи. Великанша выглядела устрашающе в своих боевых доспехах. Тзэм был не такой огромный, как чистокровные великаны, и внешне больше походил на людей, был гораздо умнее и сообразительнее. На это и рассчитывал отец Хизи, приказавший подыскать подходящего партнера для великанши.

Странная была это пара, полувеликан и девочка с тонки-

ми, будто ивовые прутьики, руками и ногами. Темное личико, почти как сердечко, служило изящным обрамлением для черных опалов ее глаз. Тзэму ничего не стоило поднять ее, словно пушинку, на ладони, но он терпеливо стоял перед ней и осторожно проверял, целы ли все ее длинные косточки.

– Мне кажется, ничего серьезного нет, – наконец сказал он. – Но мы все же попросим Квэй взглянуть. Она в этом лучше разбирается.

– Это ни к чему, Тзэм. Я в полном порядке.

– Не считая безумного поведения, ты хочешь сказать.

– Как у тебя язык поворачивается говорить со мной таким тоном? Ты забыл, что я твоя госпожа?

– Нет, малышка, – вздохнул Тзэм. – Но все-таки мой главный хозяин – твой отец. И он вряд ли мне простит, случись с тобой что-нибудь. – Тзэм пожал плечами. – Я иногда не очень соображаю и могу ляпнуть что-то не то. Тзэм не очень умный, сама знаешь.

Хизи презрительно рассмеялась.

– Да, я не раз видела, как ты это проделывал в присутствии отца и его придворных. «Тзэм хочет помочь», «Тзэм не разбирается в таких вещах, хозяин». Но я-то знаю лучше, Тзэм. И ты знаешь, что я знаю.

– Ты слишком много знаешь для такой маленькой девочки, – произнес тихо Тзэм.

Хизи задумалась.

– Это, наверное, во мне говорит королевская кровь, – ска-

зала она, улыбнувшись.

Тзэм помрачнел, густые брови сошлись на переносице, как две тучи, но под грозовыми облаками глаза были добрые и грустные. Он схватил ее за руку.

– Не говори так, принцесса, – прошептал он.

Хизи нахмурилась:

– Не понимаю. Я дочь своего отца, и во мне течет королевская кровь... с материнской стороны тоже. И когда-нибудь я ведь буду такая же могущественная, как и они.

– Когда-нибудь, – повторил Тзэм. Он потряс головой, словно хотел прояснить мысли. – Ну а теперь наверх, там тебя ждет ванна и чистая одежда.

Хизи резко отодвинулась от него.

– Нет, не пойду. Я собираюсь продолжить путь.

– Как?! Тебе охота снова поплавать в прудах?

– Мне надо было взять с собой фонарь, все дело в этом. А теперь фонарь есть. – Она снова нахмурилась. – Скажи... я думала, я тебя потеряла, как обычно. Каким образом ты меня нашел?

Тзэм усмехнулся, обнажив огромные зубы.

– Тзэм никуда от тебя не денется, маленькая госпожа. Тзэм всегда держится вдали, не на виду.

Хизи покраснела.

– Ты молчишь все время, будто немой. Это из-за того, что я думала, ты и вправду немой, но, как мне кажется, именно я... – Тут она остановилась, борясь с неожиданно напавшим

на нее смехом.

– Что именно ты? – спросил Тзэм.

– Я представила себе, как кто-то твоего роста решился бы постоянно крутиться возле нас с Дьеном.

Тзэм тронул ее за плечо.

– Я сожалею о том, что случилось с Дьенатой.

Все веселье Хизи мгновенно улетучилось.

– Его имя Дьен! – отрезала она. – И я намерена найти его.

– Я так и знал, что ты все затеяла из-за этого. Принцесса, это безнадежно. Оставь эту мысль. Постарайся забыть своего друга. Это все, что ты можешь сделать.

– Не оставлю.

– И куда ты пойдешь? Даже если у тебя будет фонарь, твой путь закончится там, в воде. – Он жестом указал на затопленные ступени лестницы.

Хизи не нашлась, что ответить. Тзэм прав. А вдруг нет? Но Тзэм все-таки прав. Всмотревшись, она с трудом различила за лестницей арку. Если бы удалось туда добраться, она бы нырнула под нее и оказалась еще в одной комнате. А может быть, и нет.

– Я пойду с тобой обратно, но только до первого поворота. В эту Тьму много ходов. И какой-нибудь из них должен привести к Дьену.

Тзэм погрозил пальцем:

– Я унесу тебя отсюда, принцесса. Твой отец поблагодарит меня за это.

– А я вернусь назад. И буду возвращаться снова и снова, пока не найду Дьена или же не упаду там, где даже ты не спасешь меня. И если ты будешь без конца следовать за мной, ты ведь знаешь, что мне может иногда прийти в голову. И теперь, когда я знаю, какой ты умный, думаю, мне удастся ускользнуть от тебя. Я никогда не была такой сообразительной, Тзэм, какой могла бы быть. И все оттого, что не понимаю, где это может пригодиться.

Тзэм свел густые брови.

– Чего ты хочешь от меня, госпожа? Мое дело охранять тебя. Я не могу позволить тебе бродить одной. Здесь внизу водится нечисть.

– Наверху тоже водится.

– Я говорю не про духов, маленькая принцесса. Духи чаще всего безвредные, а вредных жрецы выметают метлой. Здесь внизу водится настоящая нечисть, и сюда жрецы не спускаются, чтобы ее вымести вон.

Хизи вздохнула.

– Мое решение бесповоротно. Либо ты идешь со мной, куда бы я ни пошла, либо ты оставишь меня в покое. Ну а теперь скажи, что ты выбираешь? Защищать меня илипустишь странствовать в одиночестве?

– И так и так плохо, – проворчал вконец расстроенный Тзэм. – Головы мне все равно не сносить.

– Я не дам им тебя тронуть, Тзэм.

– Это не в твоей власти, принцесса.

Сердце Хизи немного смягчилось. Тзэм всегда такой добрый, такой преданный, почти как Дьен. Но между ней и Тзэмом, да и остальными слугами, сохранялась какая-то дистанция, даже между ней и Квэй, которая ее вынянчила и заменила ей мать. Даже Квэй все больше отдалялась от нее в последние годы. И лишь привязанность Дьена была никем и ничем не ограничена.

– Тзэм, я, во что бы то ни стало должна найти Дьена. С тобой или без тебя, – сказала Хизи уже спокойно.

Тзэм грустно кивнул в сторону затопленного зала.

– Ну хорошо, значит, со мной, – со вздохом произнес он. – Но не сию минуту, госпожа. Не сегодня. Завтра, после того, как ты отдохнешь и мы достанем подходящую одежду.

– Так ты пойдешь со мной?

– Да, хотя это мало что изменит.

Голос у Тзэма был грустный.

– Мы обязательно найдем его, – не сдавалась Хизи.

– Может, этого и не следовало бы делать?

– Ты думаешь, его нет в живых?

Тзэм долго смотрел на нее, затем сгреб с земли мощными ручищами.

– Так недолго заработать и лихорадку, – заявил он. Наклонившись, он взял в руку фонарь и начал осторожно подниматься по перепачканным глиной ступеням.

– А вообще, почему надо уводить людей, Тзэм?

– Не знаю, принцесса.

Ей показалось, что Тзэм слишком долго обдумывал вопрос, прежде чем ответить. Это вызвало у нее раздражение.

– А я чувствую, ты знаешь, – сказала она. – Слуг они тоже уводят?

– Нет, не совсем так. Если слугу решают наказать, то делают это публично, с большим шумом. Чтобы другие боялись.

Тзэм миновал самую скользкую часть пути, и в дальнем конце туннеля, там, где он сворачивает вправо, показался серый свет.

– Тзэм, ты действительно не знаешь, почему уводят людей?

– Действительно не знаю. Точно не могу сказать.

– Как ты думаешь, меня они тоже уведут?

– Нет, – ответил уныло Тзэм каким-то странным сдавленным голосом.

– Если увели Дьена, почему бы не увести и меня?

Тзэм пожал плечами:

– Ты слишком много хочешь знать, принцесса. Без всяких почему, не уведут, и все.

Перед ней была непрошибаемая стена, так случилось с Тзэмом нередко. Хизи хорошо понимала, что больше она не добьется ни слова.

Горячая ванна была блаженством. Но вот Квэй – ее немолодое лицо замкнулось и стало словно сжатый круглый кулак, а карие глаза сверкали недобрый блеском при свете лампы, когда она, наклонившись, слишком уж энергично отти-

рала со ступней Хизи приставшую глину.

– Где твоё платье? – спросила она шепотом после долгого молчания. Чувствовалось, что она прилагает усилия, чтобы не сорваться на крик.

Хизи сморщилась, когда безжалостная мочалка добралась до лица и шеи. Она ничего не ответила Квэй.

– Твоё платье. Ты слышишь, о чём я спрашиваю? Родители твои подумают, что я его продала. И меня могут выпороть. Или же Тэма. И если ты не думаешь обо мне, подумай о нём. Я уверена, кто-то наверняка видел, как он нес тебя, полуголую. Тэма могут кастрировать.

Хизи не очень ясно представляла себе, что такое кастрация, но она понимала, что ничего хорошего в этом нет, особенно если кастрация будет грозить Тэму.

– Нас никто не видел, – огрызнулась она. Мыло щипало глаза, и они снова наполнились слезами, хотя казалось, все слезы она выплакала после исчезновения Дьена.

– Как ты можешь говорить так уверенно? Ты ведь ещё ребенок. – Однако голос Квэй постепенно начал теплеть, и руки уже не так усиленно работали. Когда же у Хизи слезы наконец прорвались наружу, Квэй обняла ее, не обращая внимания на то, что её платье намокло.

– Дитя ты дитя, что нам с тобой делать? – прошептала она.

Позже, когда они уже сидели на кухне, Квэй больше не поднимала разговора о дневном путешествии. Яркое солнце залило дворик снаружи и весело расписало стены кух-

ни. Плети чеснока и лука-шалот, белые и красные, переливались и блестели в лучах солнца над столом, где Квэй месила хуз – плотный черный хлеб, который любила Хизи, особенно с гранатовым сиропом и сливками. Теплый резкий запах дрожжей мешался с ароматом кофе, греющимся на домашней печке-жаровне в медном сосуде с длинной ручкой, и дымом от можжевельных веток, проникающим со двора, где разгоралась печь для хлеба. Тзэм дремал на солнышке с детской счастливой улыбкой на широком лице.

– Ты мне уже много помогаешь, – сказала она. – На днях даже сбила яйца.

– Я говорю о настоящей готовке. – Хизи старалась не выдать голосом поднимающегося раздражения – сегодня и так хватило неприятностей.

– Нет для этого нужды, малышка. Всегда будут люди, вроде меня, чтобы готовить тебе.

– Представь себе, что я хочу научиться, – не сдавалась Хизи.

– А ты представь себе, что я не хочу, – ответила Квэй. – Никто из нас не волен выбирать, что ему делать, Хизи. Таков порядок, и самое лучшее для тебя с ним смириться.

– Кто его устанавливает?

– Все. Река. И так всегда. Раз сказала Река, значит, так все и есть.

– Это Река решила насчет Дьена?

Квэй молчала. После минутного колебания она вытерла

руки о передник, опустила на колени возле Хизи и взяла ее руки в свои.

– Хизи, дорогая, мне очень жаль его. Он был хороший мальчик. Мне он нравился.

Она глубоко вздохнула, и Хизи подумала, что она, таким образом, пытается справиться с волнением.

– Хизи, ты должна понять, что Тзэм и я... мы не такие люди, как ты. Мы не можем говорить и делать, что нам хочется. Есть люди, которые за нами следят, за всеми нами. А когда не следят они, следит Река. И поэтому ни Тзэм, ни я не можем обсуждать то, о чем тебе хочется говорить. Ты понимаешь это?

Хизи взглянула на Квэй, пытаясь уяснить, чем же все-таки она отличается от нее. Потому что эта женщина, выросшая ее, в самом деле чем-то от нее отличалась. Но чем? Меньше ростом? Все равно какое-то отличие есть. Дьен был королевской крови. И если с ним могло такое случиться, то уж с Тзэмом и Квэй наверняка может. Но Хизи этого совсем не хотелось.

– Я все понимаю, Нама, – сказала она. Квэй сжала ее руки и вернулась к столу. Она, казалось, даже повеселела. Хизи поглядела на Тзэма.

Вспомнив их утренний разговор, она подумала, что, не должна была заставлять его. Но у нее не было выхода. Да и кто или что может забрать Тзэма?

II

СТАЛЬНОЙ МЕЧ И РОЗОВЫЕ ЛЕПЕСТКИ

Перкар протянул свой новый меч к солнцу, с восторгом глядя, как поток света заливает сверкающую поверхность клинка, не ощущая в радостном упоении стальной тяжести на ладонях. Он громко каркнул. Заслышав вороний боевой клич, любопытные коровы тут же повернули головы и с осуждением посмотрели на Перкара – в кротких коровьих глазах было явное недовольство тем, что он нарушил их глубокую задумчивость. Но Перкар не обратил на это внимания. Главное, теперь у него был меч.

Он рассек мечом воздух, потом ударил еще и еще раз, после чего нехотя вложил меч в расшитые узорами ножны, висевшие у него за спиной. Ему неожиданно понравилась непривычная тяжесть за плечами, знак его возмужалости. Мужчина в пятнадцать лет! Настолько уже взрослый, что ему доверили меч. Он снова потрогал рукоятку меча, и его серые глаза засияли от счастья.

Но нет, его внутренний голос все время твердил: «Тебе дан меч, так как ты доказал, что достоин доверия. Потому паси отцовских коров».

Но даже и после того, как Перкар вспомнил о своих зем-

ных обязанностях, радостное настроение не покинуло его. В конце концов, это то, что делают взрослые, равно мужчины и женщины, – они выполняют свой долг. Преисполненный лучших намерений, он пересек невысокий холм и направился вдоль пастбища. Солнце уже склонялось к закату, осыпая золотом еще совсем недавно зеленый пейзаж. Густой лес темнел на границе Коровьего Поля, дикий, без просветов, будто первобытный лес у истоков мироздания. На самом пастбище, всхолмленном на востоке, то тут, то там рдели ржаво-красные пятна – коровы той породы, которую предпочитал отец. Между двумя холмами тонкая полоса ивняка отмечала путь ручья, лениво текущего через все пастбище.

Перкар сначала остановился возле святилища на гребне высокого кряжа. Это было простое сооружение – каменный алтарь, ему по пояс. Сверху его прикрывала небольшая плетеная крыша – из камыша и кедровых веток. На алтаре стояла чаша с примитивным рисунком. Он снял с пояса кожаную сумку, достал из нее пластинку благовоний и с помощью трута и сверла возжег ее. Как только он почувствовал слабый кедровый запах, он обрызгал горячие угольки жиром и с улыбкой смотрел, как жир шипит и вспыхивает. Откашлявшись, он запел чистым высоким голосом:

На солнце листья мои пели,
Ветви мои на ветру трепетали.
Но люди пришли по мое тело —
С жестокими острыми топорами.

Я был частицей древнего леса,
И люди корни мои топтали,
Но руки грубые я изрезал,
Точно ножами, своими шипами...¹

Перкар все пел и пел, и песня эта была коротким пересказом длинного предания. Предания о том, как дед его отца уговорил лесного бога разрешить ему спилить деревья, чтобы устроить пастбище. Благодаря его смирению и скромности, а также еще и потому, что он воздвиг этот алтарь, дух, в конце концов, смягчился. И род Перкара после этого поддерживал добрые отношения с богом пастбища, а заодно и с другими окрестными духами.

И он отправился к другой святыне на опушке леса, Вторая молитва была намного короче, ибо его родичи не чувствовали себя в таком уж большом долгу перед Диким Лесом, и для того, чтобы умиловать его, они даже позволяли оленям и другим животным щипать траву на краю пашни.

Солнце было почти над горизонтом, когда он наконец добрался до ручья. Подмывая постепенно породы, ручей оказался между высокими берегами, врезавшимися в пастбище, а скотина испещряла их глубокими рытвинами. Это было самое любимое место Перкара, и когда яркое солнце стояло в зените, он часто приходил сюда поплавать в прохладной воде и поохотиться за крабами; он бросал в воду сверчков и

¹ Здесь и далее перевод стихов Наны Эристави.

смотрел, как рыбы кидаются и хватают их снизу. Счастливый оттого, что за спиной у него тяжелый меч, Перкар, мурлыча что-то себе под нос, двинулся вверх по течению, чтобы уйти подальше от взбаламученной коровами воды туда, где ручей, чистый и холодный, течет прямо из леса. Там Перкар остановился, вдыхая пряный аромат темной, усеянной палой листовой земли, сменивший запах листвы и коров. Он спустился вниз, набрал пригоршню воды и плеснул ее на себя. Затем он достал свое жертвенное приношение воде – розовые лепестки из материнского сада. Рассыпав лепестки над ручьем, он запел:

Косы мои серебрятся, с холмов сбегая.
Долгие руки в долины я простираю...

Закончив песню, Перкар улыбнулся, сел на берегу и пригладил пальцами короткие каштановые волосы. Затем он снял мягкие сапоги из телячьей кожи и поболтал голыми ногами в воде. Наверху на пастбище Капака заревел старый красно-рыжий бык, начав музыкальную перекличку пастбищ окрестных холмов.

И вот, наконец, Перкар вынул из ножен меч и положил на колени.

Клинок был тонкий, обоюдоострый, длиной почти с его руку, а большую рукоятку приходилось держать обеими руками. Она была обшита бычьей кожей и украшена круглой

блестящей стальной головкой.

– Я знаю, кто его сделал, – произнес девичий голос.

Перкар едва не уронил меч, так он был изумлен.

Раскрыв рот, он смотрел на женщину, стоявшую по пояс в воде, наготу которой прикрывали лишь черные влажные волосы. У нее было бледное лицо, большие миндалевидные глаза, золотые, как закат. Она казалась годом или двумя старше Перкара. Перкара трудно было обмануть.

– Богиня! – прошептал он.

Она улыбнулась, затем повернулась, так что ее волосы веером легли на воду. И было не различить, где кончались шелковистые пряди и где была вода.

– Мне понравились розовые лепестки, – сказала она.

– Много времени прошло с тех пор, когда я в первый раз тебя увидел, – тихо ответил Перкар, – много лет.

– Неужели так много лет? Ты подрос с той поры. И теперь у тебя есть даже меч.

– Да...

Перкар так растерялся, что не нашелся, что сказать.

– Дай мне рассмотреть его получше.

Перкар послушно поднял меч и повернул так, чтобы она могла его разглядеть. Богиня медленно приближалась, с каждым шагом Перкар видел ее все яснее. Она выглядела как обычная женщина, и Перкар в панике пытался отвести глаза.

– Можешь взглянуть на меня, – сказала она. Теперь все ее внимание было сосредоточено на мече. – Да, я вижу. Его

выковал Ко, маленький бог стали. Он охлаждал его выше по течению.

– Правда, все так и есть, – обрадовался Перкар. – Говорят, Ко связан родством с нашей семьей. Говорят, он был отцом отца моего деда.

– Так оно и есть в каком-то смысле. Твоя семья старожилы в наших местах, живут тут с тех пор, как пришли люди. Ваши корни глубоко уходят в эту землю.

– Я тебя люблю, – прошептал Перкар.

– Не сомневаюсь, дурачок, – сказала она, улыбнувшись.

– Люблю с той минуты, как впервые тебя увидел, когда мне было всего пять лет. Ты совсем не изменилась.

– Увы, это не так. Я, конечно, изменилась. Больше прибавила в одном месте, меньше в другом. Кое-где стала шире, кое-где уже. А вот волосам моим достается сильнее всего в горах – там их треплет грозовой ливень и меняет их цвет любая речка, что питается моими водами.

– Я хотел сказать...

– Знаю, что ты хотел сказать. Мое людское обличье останется таким навеки, малыш Перкар.

– Потому что...

– Потому что когда-то некая женщина, имевшая тот же облик, была принесена мне в жертву. Я часто забываю ее имя, но зато помню кое-что из того, что помнит она...

– Она была красивая, – сказал, немного осмелев, Перкар. Когда на вечерних сборищах он так говорил с девушками,

они краснели и опускали глаза. Богиня же ответила ему прямым открытым взглядом.

– Ты решил поухаживать за мной, малыш Перкар? А я между тем намного старше, чем весь ваш род.

Он ничего на это не сказал.

– Такая глупость все эти церемонии с мечами и мужской зрелостью. Я заключила соглашение с твоей семьей только потому, что мне это показалось забавным.

– Соглашение?

– Есть еще кое-что, связанное с обрядом получения меча, о чем, я подозреваю, ты даже не догадываешься. Глупая и чисто символическая вещь, но, как я тебе уже сказала, забавная. – И она протянула к нему длинную тонкую руку. Он взял ее – она была живая и теплая, как человечья плоть. Богиня вышла из воды – мокрое тело сверкало в солнечных лучах, стройные ноги почти касались его ног. И от нее исходил какой-то запах – только он не знал, что это за запах. Запах розовых лепестков?

Его охватил страх. Недавно он познакомился с Хейм, обыкновенной девушкой, его сверстницей. И его испугало то, что они делали – гладили, трогали друг друга. Это пробудило в нем чувство неутолимого голода. Он не мог понять, как такое чувство можно насытить, хотя потом, оставшись один, он вдруг что-то понял.

Но эта женщина, прильнувшая к нему, не была земным существом. Она была анишу, духом, богиней. Перкар задро-

жал от страха, когда она легким движением потянула пояс его штанов.

– Ш-ш-ш... Тихо, не тревожься, – пробормотала вода.

Перкар и богиня лежали под небом, которое теперь было свинцово-серым, и по мере того, как распахивала свои двери ночь, приоткрывались створки ярчайших звезд. Хьюна, Бледная Королева, постепенно вырисовывалась все четче, но пока плотный полумесяц успел пройти всего полнеба, и хотя ночной ветерок был скорее всего прохладный, обнаженная кожа Перкара покалывала от какой-то странной неестественной теплоты. Богиня Ручья указательным пальцем обвела твердый контур худощавого лица юноши. Она хихикнула, когда палец наткнулся на пушок еще не существующей бороды, и, увидев, что он покраснел от смущения, положила ладонь ему на щеку.

– Вы, люди, так быстро стареете, – сказала она. – Поэтому не торопись, пока можно.

Перкар согласно кивнул, так и не вникнув в смысл сказанного. Его переполняла жизнь. Он чувствовал, что все, что он когда-либо знал или видел, вот-вот выплеснется наружу и обернется чем-то непредсказуемым. Ему было трудно думать. И он был влюблен.

Он спросил:

– В тот первый раз, когда я был маленьким, для чего ты явилась предо мной?

– Я являюсь где и когда хочу, безо всякого повода, – ска-

зала она беспечно.

– А на этот раз ты пришла выполнить условия сделки?

– В общем, ты недалек от истины. Последний раз я пришла потому, что ты смеялся, и твой смех звучал давно. Я захотела услышать его человеческим слухом.

– Разве ручей не слышит?

– Нет, он слышит. Я могу все слышать, слышать самое себя вдоль и поперек, от гор до... – Ее прекрасное лицо затуманилось. – Я могу все слышать. Но в то же время не совсем все так. Когда ты привязан к одному месту, когда ты просто точка, быстро движущееся пятнышко – здесь уже совсем другой расклад.

– Ты говоришь про то, как ты нас видишь? Мы для тебя пятнышки?

Она нахмурилась и повернулась на бок, спиной к нему, и ее крутое бедро, сияющее в лунном свете, казалось Перкарю невысказанно прекрасным.

– Все это было прежде, а сейчас меня посещают разные воспоминания. Я помню, как я родилась, давным-давно. Помню, как я проходила через это место по старому сухому руслу ручья, вон там. – Она показала рукой куда-то вдаль. – А впрочем, мало, что изменилось, – почти всю жизнь было все так, как сейчас: я вздувалась от дождей, радостно встречала мелкие ручейки и вбирала их в себя. И обрывки воспоминаний обо всем этом живы во мне. Старики – мы зовем их альвы – приходили время от времени, они прикасались

ко мне, но я не обращала на них внимания, хотя другие духи без конца о них твердили. А потом пришли твои родичи. Сначала они меня раздражали – я злилась и пыталась не замечать их. Именно тогда они зарезали ту девушку и бросили ее в воду. Ее кровь перемешалась с моей, и я чувствовала, как уплывает ее короткая жизнь. И совсем не так, как уплывает рыбка. Мне было очень грустно, грустно оттого, что люди думали, что я жажду таких жертв, но это не так, это не в моей природе.

– Но есть ведь духи, которые жаждут кровавых приношений, мне говорил об этом отец.

– Да, это необходимо наземным духам, хотя их мало заботят жертвоприношения как таковые. Без убийств лесу нечего будет есть, но я...

– Неужели ручьи не жаждут крови?

Перкар сначала ничего не понял. Рыдающая богиня не укладывалась ни в какое воображение. Однако она горько рыдала.

– Почему ты плачешь?

– Песня. Ты помнишь концовку моей песни?

Конечно же, он помнил. Разве мог он забыть ее песню? Он кашлянул, затем запел:

Я плыву полноводным потоком,
Я мерцаю в траве невысокой,
Там, где конь из прохлады пьет.
А потом мне конец настает, —

Я – не я.

Я не женщина боле.

Боле нет ни сознания, ни воли.

Я теряюсь в Отце великом,

Всемогущем и грозноликом...

Перкар закончил песню, глядя с удивлением в ее полные слез глаза.

– Что означают эти слова?

– Отец страшный жестокий бог, – после долгой паузы, наконец, промолвила она. – Он съедает меня. Он меня съедает. – Она содрогнулась, из груди вырвался хриплый свист. – Он каждый день проглатывает меня. Он проглотит семя, что ты заронил. Он всеяден.

Она поднялась, и теперь перед ним была настоящая богиня ночи. Хьюна коснулась ее своим серебристым светом.

– Держись подальше от него, Перкар, – сказала она.

– Остановись. Я люблю тебя. – И он тоже заплакал.

– Я всегда здесь. – Она вздохнула, и в этом вздохе Перкар уловил боль, как будто снова услышал ее слова: он все время меня пожирает. Перкар представил себе, как это происходит, постоянно, каждый день, так как с гор она падает прямо в него. И каков бы он ни был, этот Отец, все это неотвратимо.

Она ступила на воду, продолжая улыбаться ему. И вот, погрузившись, она слилась с водной гладью, пробежала рябью и стала ручьем.

Перкар смотрел, как она течет в глубокую ночь.

– Я люблю тебя, – повторил он, поднявшись, что бы идти. Он взял в руки меч, выкованный богом Ко, но меч больше не казался ему желанной ношей. Почему-то он был очень тяжелый. Однако в сердце Перкара не было грусти, как не было и горечи. Напротив, он чувствовал себя сильным и счастливым. Но в то же время и спокойным. И он был полон решимости.

Я непременно узнаю, что такое эта Река, пожирающая ее, пообещал он себе. Первым делом я этим займусь и докопаюсь до правды.

Перкар добрался домой только к утру. Встающее солнце прогнало из его души последние грустные мысли, осветив его путь, а заодно и крепкие кедровые стены дамакуты, отцовского форта. Он остановился перед небольшим храмом у подножия холма, на котором стоял форт, чтобы оставить немного вина маленькому богу, спящему там в камне. Петух прокричал где-то за стеной.

Дамакута всегда казался ему невероятно огромным, но когда он глядел на него сейчас снизу вверх, он вдруг увидел, что форт уменьшился в размерах. Перкар теперь был мужчина, мужчина по всем статьям, первым из сыновей отца, достигшим зрелости. Скоро он начнет охоту за многоликим Пираку, от которого – смотря каким ликом тот обернется – зависят удачная судьба, богатство, скот и конечно же дом. И все же, когда Перкар построит собственный дом, лучшим останется для него дом его отца. Крепкие стены не раз защи-

щали семью и скот от бесчисленных нападений завистников вождей, а однажды даже спасли от свирепых всадников с западных равнин. Многолюдный просторный дом за стенами был крепко сложен, там было тепло в самые суровые зимы, а летом, когда раскрывали окна, много воздуха и пролады.

Перкар легко вскочил на ноги и вприпрыжку помчался в гору. Внешние ворота были не заперты, и Апиру, один из рабов отца, помахал ему сверху со сторожевой башни.

– Доброе утро, Перкар! – крикнул он слишком уж громко и при этом как-то слишком широко улыбнулся.

– Доброе утро, – ответил Перкар.

Неужели Апиру знает? Неужели все уже знают? Может, даже и мать? О лесные боги!

Резвости у Перкара поубавилось, как только он завидел отца, сидящего на скамье во дворе. Двор был большой и голый, всю растительность начисто выщипали разгуливающие по нему золотисто-рыжие цыплята. Однако во время налетов грабителей этот просторный двор вмещал весь их самый ценный скот. Сейчас двор был необычно людный. В это утреннее время там никогда не бывало столько народу. Возле отца почему-то собрались его рабы, их дети и жены, но при этом они стояли совершенно праздно. Два его младших брата и сестра с мужем столпились в дверях их семейного дома. Тут же он увидел двух младших братьев отца и неожиданно деду. Дед, должно быть, пришел накануне вечером из своего форта, а это почти день пути. Перкар не понимал, что про-

исходит.

– Доброе утро, Перкар! – приветствовал его отец.

Отцовское лицо в глубоких морщинах, загорелое, с резкими чертами и орлиным носом, было стертой годами и теперь уже плохо угадываемой копией лица Перкара. У Перкара всегда появлялось беспокойное чувство, когда он не знал, о чем думает отец.

– Доброе утро, отец. Да будет Пираку под тобой и везде с тобой! – ответил он, как положено по ритуалу в торжественных случаях, ибо он догадался, что повод был торжественный, хотя ни на ком не было парадной одежды. Напротив, отец даже начал стаскивать с себя рубашку – обнажились железные мускулы и твердые белые рубцы от шрамов, которые всегда вызывали зависть Перкара.

– Ну как, сынок, хорошо ли ты провел ночь? Ты нынче почувствовал, что теперь ты мужчина?

Щеки Перкара вспыхнули от смущения. Отец знает. Он вспомнил вдруг оброненные богиней слова о каком-то соглашении между ней и его семьей.

Перкар раскрыл, было, рот, но так и не вымолвил ни слова. Раздался негромкий смешок, затем смех пробежал по толпе, охватил весь двор. Кюом, самая старая из отцовских собак, подняла голову и зевнула, словно и она имела, что сказать по этому поводу.

– Осталось совсем немного, Перкар, и ты станешь настоящим мужчиной, – сказал отец.

Перкара обескуражили его взгляд и непонятная блуждающая улыбка.

– Но я думал... – Перкар оборвал фразу на середине. Если не знаешь точно, лучше всего помалкивать. Сейчас он многое отдал бы за то, чтобы не быть старшим сыном и заранее знать, как происходит этот обряд, когда мальчик становится мужчиной.

– Что еще мне предстоит? – спросил он.

– А то, что я изобью тебя до полусмерти, – ответил отец, махнув кому-то рукой. Падат, двоюродный брат Перкара, стоявший в дверях дома, выступил вперед, пряча в пушистой льняной бороде широкую улыбку на круглом, как луна, лице. В руках у него было два деревянных тренировочных меча. У Перкара все внутри сжалось: нет, только не перед всеми.

Падат протянул один меч Перкару, другой дяде. Перкар неохотно подошел и стал напротив отца.

– Я, Шири, старейшина клана Барку, вызываю на битву этого щенка. Все меня слышат?

Ему ответил согласный хор голосов. Шири с улыбкой взглянул на сына. Перкар прочистил горло.

– Я... я, Перкар, сын Шири, сын старейшины клана Барку, положу этот вызов в рот, прожую его и выплюну обратно.

– Да будет так, – раздался рокочущий бас деда.

Так оно и началось. Шири застыл неподвижно, ожидая, пока Перкар сделает первый выпад. Он всегда так поступал – ждал, затаившись, будто лев или змея, и едва только Пер-

кар сделал первый шаг ему навстречу, он мгновенно оказался возле него, и деревянный клинок врезался Перкару в плечо. Перкар рывком выбросил вверх меч, действуя скорее инстинктивно, чем обдуманно. Позиция у него была явно неудачная, и поэтому, даже когда мечи скрестились, мощь отцовского удара едва не сбила его с ног – он потерял опору и споткнулся, хотя и не настолько сильно, как попытался изобразить, чтобы отвлечь внимание отца. Опустившись на одно колено, он нацелил клинок на выставленную вперед отцовскую ногу. Отец, как и следовало ожидать, высоко подпрыгнув, успел увернуться в воздухе, только мелькнуло бурое размытое пятно – деревянный меч, который тут же с глухим стуком ударился в плечо Перкара. Боль парализовала его, и он чуть не выронил свой меч, но, собрав всю волю, отступил назад под улюлюканье и насмешливые выкрики родственников.

Судя по всему, отец не собирался складывать оружие, и ничто в его лице не выражало добрых отцовских чувств. На Перкара снова опустился карающий клинок, и снова ему пришлось утешаться лишь тем, что это было деревянное оружие, а не острый выкованный богом стальной меч. Удар в пух и прах размел его скороспелую бдительность – на сей раз он пришелся, к счастью, на бедро, а не на бок, который можно было легко поранить даже деревянным оружием.

Теперь Перкару хватило и двух ударов – он внутренне смирился с тем, что поединок все равно проиграет, и готов

был сдаться. Отражать отцовские атаки было невозможно. Поэтому, когда он снова увидел направленный на него клинок, он, как бы не замечая его, подставил себя прямо под удар, одновременно нацелив собственный меч на обнаженные ребра Шири. Отцовский меч опустился на его пока еще целое плечо, тогда как его собственный клинок полоснул пустой воздух.

Перкар искусал губы, чтобы не закричать. Шири, однако, не спешил воспользоваться своим преимуществом – он отступил назад и спокойно разглядывал своего старшего сына.

Люди во дворе снова стали насмеяться над Перкаром. Перкар выбрал позицию и атаковал отца. Противники сошлись и обменялись градом ударов. Удивительно, что ни один из них не задел Перкара, хотя он с трудом увернулся от меча, занесенного над его головой. Но что самое удивительное, ему удалось оставить глубокую царапину на руке Шири. Это придало ему смелости, и он с воплем ринулся в атаку, лишив себя этим всякой защиты.

Отец нанес удар первым, хлестнув его мечом плашмя по ребрам, но мгновение спустя судьба все же улыбнулась Перкару, и он услышал глухой деревянный стук, когда с силой ударил отца по руке повыше локтя. У Перкара вырвался боевой крик, который перешел в радостный вопль. Торжество, однако, было недолгим, так как Шири сразу же развернулся и что есть силы хлопнул сына мечом по лопаткам, отчего Перкара пронзила жгучая боль. Перкар потерял счет обрушив-

шимся на него ударам и, в конце концов, стал думать, что только чудо спасло его от сотрясений и глубоких ран внутри. Чудом казалось и то, что не было крови нигде на его теле – разве что несколько капель на искусанных губах.

Жаркая сауна была блаженством, и, как ни странно, Перкар испытывал едва ли не радость оттого, что тело его в синяках и ссадинах. Воспаленные мышцы и Ушибы, распаренные в горячем воздухе, как-то по-особому мягко и приятно саднили.

Да и первый глоток воти оказался не таким уж страшным. Он проскочил через горло, как теплый уголек, и, прежде чем растечься по жилам, на мгновение осел в животе.

– Никогда не забывай первый вкус воти, – сказал отец. – Не забывай, как ты стал мужчиной.

– Вряд ли я могу это забыть после такой потасовки. – В голосе Перкара прозвучал упрек, но уже довольно слабый – ему не хотелось, чтобы отец думал, что он по-настоящему сердится на него.

– Ты все выдержал молодцом. Я горжусь тобой.

Перкар низко наклонил голову, чтобы скрыть улыбку жгучей радости, охватившей его от похвалы отца. Шири положил ладонь на спину Перкара.

– А теперь Пираку, – сказал он. – Ты найдешь Пираку, как нашел я, как нашел мой отец.

Перкар кивнул, говорить он не мог. Отец и сын сидели

молча, пока жар все глубже проникал в их кости. Шири плеснул горсть воды и подбросил сосновые иголки на камни, и сразу же с шипением поднялся пахучий ароматный пар.

– Она красивая, не правда ли? – сказал вдруг после долгой паузы отец.

– Да, отец. Очень красивая...

– Мм, да. – Отец сидел с закрытыми глазами.

– Я люблю ее, отец.

Шири фыркнул.

– Кто же в этом сомневается? Мы все ее любили... хотя со временем все меняется и начинаешь любить ее по-другому. Поэтому наши прадеды и заключили с ней соглашение, сынок. Полезно любить своих богов, обитающих в этой местности.

– Нет, отец, у меня совсем все не так, – запротестовал Перкар. – Я люблю ее как...

– Как первую женщину, с которой ты был близок. Я понимаю, сынок. Но она ведь анишу. И ты довольно скоро в этом убедишься.

– Такое случалось и раньше. В песне, в «Песне Мориру», где...

– Я знаю эту песню, сынок. Но человек умер, а Мориру продолжала жить, в вечной печали. Так оно и будет. – Он улыбнулся и, протянув руку, потрепал каштановую шевелюру сына. – Ты скоро найдешь земную девушку. Пусть тебя это не беспокоит.

– Она уже и сейчас печальная, – прошептал Перкар, не желая так легко оставить эту тему разговора и перейти к другой. – Она говорит...

– Сынок, – голос Шири был торжественный, серьезный, – сынок, выкинь это из головы. Ты ничего не можешь для нее сделать. Выкинь.

Перкар только собрался раскрыть рот, как вдруг заметил слегка приподнятую бровь отца – знак того, что разговор пора прекратить. Он уткнулся взглядом в пустую чашу из-под воти, зная, что он не сможет выкинуть эти мысли из памяти. Не сможет, как бы ни старался.

III

ЛАБИРИНТ

Дух в нерешительности остановился на краю зала – ему явно не хотелось ринуться в поток света, струящийся сквозь открытую крышу дворика. Прямые лучи почти не доходили до каменных плит двора; дворец здесь был трехэтажный, а дворик – всего десять шагов в поперечнике. Но все же на белой штукатурке поблескивал отраженный солнечный свет. Духов, надо сказать, яркий свет никогда особо не привлекал.

Хизи видела, как призрак вернулся обратно в зал, постоял около лестничного колодца, очевидно, решая, куда ему двинуться дальше. Квэй говорила ей, что духи часто не знают, что с собой делать, и даже нередко забывают, что они мертвые. Интересно, помнит ли этот, когда и где он бывает? Она внимательно следила за ним, надеясь найти хоть какую-нибудь разгадку, но от этого Духа толку было мало. Его даже нельзя было назвать фигурой или тенью, скорее это был некий искаженный образ, будто увиденный через сосуд с водой... или же просто через стекло. Иногда вдруг проглядывало что-то, даже черты лица. Когда Хизи было шесть лет, как-то раз, проснувшись, она увидела перед собой бледное нервное лицо молодого человека. И когда она закричала, он мгновенно исчез. С тех пор она никогда не видела так ясно лица призрака. Квэй всегда оставляла какие-то маленькие

приношения нескольким духам – чаще всего Лунате, который жил у нее в кухне. Хизи потом даже познакомилась с молодым человеком, который посещал ее комнату, но лица его она больше никогда не видела.

Хизи вздрогнула. Это крыло дворца казалось ей каким-то странным: оно было населено духами, которых она раньше нигде не встречала. Этот, что стоял перед ней, был безусловно не опасен, особенно здесь, так близко к главному обиталищу этих существ, где Шагун почти каждую неделю их выметал.

– Пошли, Тзэм, – сказала она решительно, ступив на освещенный солнцем дворик.

В воздухе пахло шалфеем и мятой, которые выращивали в каменных ящиках. Голубь засеменял быстрее, чтобы избежать встречи с ними. Оба они, и она, и Тзэм, проходя, задели духа, который изо всех сил, казалось, вжался в стенку при их приближении.

– Даже не верится, что раньше я об этом никогда не думала, – пробормотала Хизи, когда они свернули в коридор пошире. Хотя он был тоже закрыт сверху, солнце попадало в него из двориков по обе стороны прохода. Изначальная планировка дворца никак не позволяла отдалиться от его ста восьмидесяти семи дворов.

Тзэм в ответ только пожал плечами.

– А ведь ты-то думал об этом, разве нет?

– Да не совсем, – уклончиво протянул Тзэм.

– От тебя дождешься пользы, ничего не скажешь.

– Принцесса, ты забыла, как ты заставила меня участвовать в этой затее. И я согласился пойти с тобой в нижние города только ради того, чтобы тебя охранять. Я ни разу не обещал тебе, что буду еще что-то делать.

– Ты сказал, что сможешь мне найти Дьена.

– Я этого никогда не говорил, принцесса.

Хизи задумалась. И вправду не говорил, но настроения быть великодушной у нее не было.

– Два года мы пытались пробить непрошибаемые стены, в буквальном смысле слова. И если бы мне пришлось в голову два года назад пройти через библиотеку, мы бы сейчас уже нашли его.

– Ш-ш-ш... тихо, принцесса. Это то самое место. Неужели ты хочешь, чтобы кто-нибудь услышал твои безумные речи?

Открытый дверной проем справа от них, очевидно, вел прямо в архивный зал. Так, во всяком случае, гласила надпись на притолоке.

В зале на низком изящном стульчике, каких было множество во дворце, сидел старый человек. У него на коленях лежала дощечка для письма, а на дощечке лист бумаги, на котором старик выводил что-то с помощью кисточки и туши. Он целиком был поглощен своим занятием. Хизи остановилась и как замороженная смотрела, с какой скоростью соскальзывают буквы с кончика его кисточки и как грациоз-

но ложатся на бумагу.

Старик почти сразу же поднял голову, как только они вошли.

– Да? Что вам угодно?

Хизи кивнула Тзэму, который, поклонившись ей, объявил:

– Принцесса Хизи Йид Шадун, девятая дочь Шакунга, Повелителя Нола. Она находится здесь для того, чтобы получить наставление.

Старик от неожиданности несколько раз моргнул. Хизи успела заметить, что шарф, обернутый вокруг его головы, прикрывает почти голый череп. Он нахмурился, от чего морщинистое худое лицо еще больше сморщилось. Осторожно опустив кисточку на камень для разведения туши, он спросил:

– Дитя, что ты от меня хочешь?

Тзэм собрался было ответить, но Хизи остановила его мановением руки, жестом, как ей казалось, повелевающим и величественным.

– Моему отцу хотелось, чтобы я приобрела как можно больше знаний о письменности, науках и... об архитектуре. Ты, очевидно, тот человек, который может наставить меня.

Старик сощурил глаза, будто рассматривал диковинное насекомое, которое неожиданно обнаружил у себя в тарелке во время утреннего завтрака.

– Я не получил никаких указаний по этому поводу, – про-

изнес он наконец.

– Это не имеет значения, – торопливо заверила его Хизи. – Я уже здесь.

– Ты-то здесь, но я-то занят. – Старик взял в руки кисточку и снова принялся рисовать свои значки.

– А кто ты? – спросила Хизи, стараясь придать своему голосу как можно больше важности.

Старик со вздохом остановился на середине буквы, затем дописал ее и отложил кисточку.

– Можешь звать меня Ган, – сказал он.

– Но ведь это не имя. Это старинное слово, означающее «учитель».

Ган отставил в сторону доску.

– Тебе даже и это известно, маленькая принцесса? А что еще ты знаешь?

Хизи уловила насмешку в голосе старика.

– Я умею читать, если ты об этом.

– Умеешь читать слоговую азбуку? Да это умеет любой ребенок. А вот знаешь ли ты буквы старого алфавита?

– Некоторые знаю.

– И кто же, скажи на милость, научил тебя?

Голос Гана по-прежнему звучал насмешливо, от чего Хизи вдруг почувствовала себя неуверенно и насторожилась.

– Этому учат всех детей из царского дома, – сказала она едва слышно.

– Нет уж, принцесса, ты мне не лги. Это первое и главное,

чему я тебя здесь научу. Говорить правду. С помощью ивового прута, если понадобится.

– Посмей только, – вдруг рявкнул Тзэм.

– Придержи язык, слуга. Ты представил свою госпожу, и хватит с тебя. Теперь умолкни. И чтоб больше я тебя не слышал, пока сам не найду нужным задать вопрос. Ишь разговорился... Изволь-ка ждать за дверью.

– Этого не будет, – твердо сказала Хизи и, сделав шаг, встала рядом со своим телохранителем. – Тзэм всегда там, где я. Всегда.

– Но не здесь. Здесь его не будет, по крайней мере до тех пор, пока он не научится читать.

На самом деле Тзэм умел читать, но Хизи поняла, что ей не следует в этом признаваться. Слуги, знавшие грамоту, считались опасными, и их часто наказывали.

– К сожалению, он не умеет читать. – Хизи почувствовала, что у нее дрожит голос. Ее самоуверенность мгновенно улетучилась в присутствии этого страшного старика.

– Значит, он должен ждать снаружи.

– Нет!

– Принцесса, либо он будет ждать за дверью, либо я отправляю донесение во дворец, позволяющее тебе учиться здесь. Это то, что я обязан сделать в любом случае, – сказал раздраженно Ган.

После некоторого колебания Хизи уступила.

– Жди снаружи, Тзэм, – сказала она.

Тзэм ничего не ответил, но всем своим видом показывал, что не одобряет решения принцессы. Он молча побрел к дверной арке и занял место снаружи у самого входа так, чтобы видеть, что делается в зале.

Ган проводил его взглядом, никак не выдав своего удовлетворения тем, что его распоряжение исполнено.

Затем он поднялся и подошел к ближайшей книжной полке. Минуту подумав, он выбрал том, вынул его и принес Хизи.

– Открой на первой странице и прочти, что здесь видишь, – сказал он.

Хизи осторожно взяла книгу. Книга была старая, с медными позеленевшими застежками, судя по переплету, из какой-то незнакомой кожи, ей было не менее ста лет; бумага стала совсем ветхой от времени и частого употребления. Хизи раскрыла книгу и довольно долго всматривалась в черные выцветшие буквы.

– Тут что-то про Болотные Царства, – наконец произнесла она. – В этом разделе говорится о ежегодных затоплениях дельты.

– Читай вслух.

Откинув с лица волосы, Хизи взглянула на Тзэма.

– Да, поглядим, что тут. «С этого начинается наша... – какое-то непонятное слово – мы предпринимаем – снова непонятно – большой передел земель в дельте – ах да, незатопленных – множество плотин и дамб...»

– Достаточно! – Ган взял книгу у нее из рук и осторожно закрыл ее.

– Прости меня, – прошептала еле слышно Хизи, – я не все буквы сумела прочитать.

Ган снова уселся на стул.

– Мне интересно знать, как ты могла выучить хотя бы часть из них.

– У меня есть несколько книг.

– Правда? На старом алфавите?

– У меня есть экземпляр гимна «Печальных земель».

– Кто же все-таки научил тебя читать этот гимн?

– А у меня еще есть книга про старый алфавит.

Ган скривил губы в ухмылке:

– Ты хочешь сказать, что научилась сама?

– Да.

– Этим, очевидно, и объясняется твое ужасное произношение, прав я?

Хизи почувствовала, как глаза наполняются слезами.

– Я не знала, что у меня плохое произношение.

Ган едва заметно пожал плечами.

– Зачем тебе учиться здесь, принцесса?

– А что мне еще остается делать?

– Как что? Ходить на званые вечера. Кокетничать с молодыми людьми. Ты ведь почти взрослая женщина.

– Я не люблю званых вечеров.

Ган понимающе кивнул.

– Скажу тебе откровенно, принцесса, я немало удивлен тем, что ты самостоятельно, без чьей-либо помощи, выучила так много букв древнего алфавита. Это говорит о том, что где-то в этой черепашке есть здравый смысл. Вот вы, королевские отпрыски, очень часто являетесь сюда, не считаясь с моим временем, с одной лишь целью – кое-как кое-чему выучиться, чтобы при случае блеснуть остроумием и своей ученостью и таким способом произвести впечатление при дворе. И уж поистине диковина, что молодая женщина знает старый алфавит. Будь ты мужчиной, принцесса, я мог бы тебя здесь оставить и чему-то выучить. Но ведь пройдет годик-другой, ты станешь взрослой женщиной и выйдешь замуж за смазливого дурака. И ему уж точно не захочется, чтобы жена была умнее его. Поэтому учить тебя – пустая трата времени, которого у меня не так много.

Хизи стояла и молча слушала, а в душе у нее, кроме страха, таилась злость, которая, как кошка, неожиданно выскочила наружу.

– Я не заставляю тебя тратить на меня время, – огрызнулась она. – Можешь меня ничему не учить. Мне плевать. Сиди и пиши своей дурацкой кисточкой и своей дурацкой тушью. Я сама найду, что мне надо. Выучусь сама, как всегда училась. Оставь меня в покое и не мешай мне.

Ган покачал головой.

– Нужно знать, как пользоваться библиотекой, – сказал он. – Независимо от того, можешь ты читать или нет. Ты

говоришь, что тебя интересует архитектура, и думаешь, что книги по архитектуре так прямо и прыгнут тебе в руки. Ты, очевидно, полагаешь, что они хранятся в одном месте.

– Мне плевать! Я сама найду все, что мне нужно.

Ган не сводил с нее внимательных глаз, и под его скептическим взглядом Хизи почувствовала, как злость уходит. А без гневного запала трудно было противостоять насмешливой пронизательности Гана. Она, однако, не сдавалась. И даже когда злость остыла, она вдруг испугалась своей неожиданной вспышки.

Она раздумывала, не стоит ли ей добавить «пожалуйста» к своим последним словам, но язык будто прилип к гортани.

Ган вдруг сказал:

– Ну, хорошо. Давай договоримся. Ты будешь тише воды, ниже травы. И не будешь со мной заговаривать. Кроме того, ты будешь очень осторожно обращаться с моими книжками. Если разорвешь хотя бы один листок, я немедленно уведомя об этом твоего отца и доступ сюда тебе будет запрещен. Ну как? Принимаешь все эти условия, принцесса?

Хизи молча кивнула. Она, наконец, перевела взгляд и уставилась на замысловатый узор на ковре.

– Вот и прекрасно. – Ган положил доску на колени и вернулся к прерванной работе. На Хизи он больше ни разу не взглянул.

Дрожь в коленях не унималась. Хизи повернулась и оглядела сотни бесчисленных полок, которые, казалось, вели ку-

да-то в неизвестные глубины.

Будто я снова в темноте, подумала она. Два года назад я ступила в крошечный мрак в поисках Дьена. И я опять пришла к тому же.

– Как все запутано, – сказала Хизи, когда они с Тзэмом сидели в саду и ветер трепал над ними тополиные листочки. – И хотя точно знаешь, что ищешь, ты все равно можешь никогда ничего не найти.

– А что ты хочешь найти? – пробормотал Тзэм, яростно расчесывая муравьиный укус на волосатой голени.

Совсем рядом с ними журчала вода в алебастровом фонтане под солнечным лазурным небом. Сад на крыше материнских покоев был любимым местом Хизи.

Хизи ухмыльнулась.

– Карты. Старинные карты, начертанные до того, как был построен этот город на месте затопленного. Карты, по которым можно будет представить себе, где искать Дьена и можно ли добраться до него иначе, чем по Лестнице Тьмы.

– Если Дьен даже... – Тзэм оборвал фразу, не договорив. Сколько раз за эти два года они спорили. Хизи упорно отказывалась признать, что Дьена нет в живых, пока у нее не будет доказательств.

Но сегодня она даже не рассердилась на него, и личико ее было грустным.

– Знаешь, Тзэм, я не уверена, что все еще ясно помню, как выглядел Дьен. Помню только, что у него были черные воло-

сы, как у меня, и маленькое круглое лицо. И я его так сильно любила, Тзэм. Мне кажется, это все было очень, очень давно, когда я была еще совсем юной...

– Ты и сейчас юная, принцесса, – попытался разуверить ее Тзэм. – Ган прав: ты могла бы вести совсем другую жизнь.

Хизи презрительно фыркнула:

– Ну как же. Я могла бы, например, ходить на званые вечера, встречаться с мужчинами...

– Квэй считает...

– Я знаю, что считает Квэй. Ну и что из этого? К тому же я еще недостаточно взрослая для мужчин. У меня еще не было кровей.

По желтому лицу Тзэма вдруг пробежала туча, и, отвернувшись, он стал усиленно разглядывать фонтан. Хизи понимала, что смутила его. Постояв молча, она подошла к невысокой стене, огораживающей садик на крыше. Внизу под ней лежал Нол – призрачная столица, мерцающая в лучах предзакатного солнца. Сад ее матери находился на самой высокой крыше в южном крыле дворца, и хотя в северной стороне маячили в небе башни и зиккураты центральных залов, ничто не препятствовало свободному обзору на запад, юг и восток.

На востоке, сразу за дворцом, зеленые волны садов и виноградников ограждала стена, за стеной широко раскинулись поля проса и пшеницы, делившие на клетки, как шахматную доску, всю пойму, черные там, где земля была под

паром, и обработанные голубовато-зеленые. И уже за ними начиналась пустыня, которую, Хизи часто слышала, люди во дворце называли Хwege, что означает «убийца».

Ведя пальцем вдоль оштукатуренной стены, Хизи прошла до южной ее оконечности и взглянула вниз, туда, где стены дворца незаметно и плавно переходят в город, беспорядочную хаотическую путаницу улиц, магазинов и жилых домов. Возле дворца все они были обычных нормальных размеров, но чем дальше, тем становились все меньше и меньше. Хотя Хизи никогда не бывала в городе, ей трудно было поверить глазам, когда она смотрела на самые далекие дома, бесконечное множество домов, – они казались ей крошечными, не больше, чем кухня Квэй, а может, даже и поменьше.

На востоке и на юге царствовала Река. На берегу высился Большой Храм Воды, семислойный зиккурат, сверкающий всеми красками: белой, золотой, отливающей бронзой; с четырех сторон с него постоянно низвергались четыре мощных потока, приводимых в движение волей Речного Бога. Два водопада, которые были ясно видны Хизи, блестели на солнце, как серебро или бриллианты. Бог – Река был чересчур широк, и поэтому почти невозможно было разглядеть его дальний берег. Он лежал как глыба, свинцовый, тяжелый, безжалостный и неотвратимый. Тысячи разноцветных игрушек прыгали у него на спине: отцовские большие торговые баржи, суда рыболовов, плавающие дома и малюсенькие суденышки, вмещавшие одного или двух человек. Легкие грациозные

чужеземные корабли с четкими обводами скользили под надутыми парусами. Словно стаи лебедей по осени, они держали путь в Болотные Царства и к морскому побережью за ними, а затем возвращались. И все, кто был на Реке, верили – нет, скорее, молились о том, чтобы он, Бог, по какой-либо капризной прихоти не проглотил их. Люди любили Реку, поклонялись ей, но не полностью доверяли. Река отобрала их у страшного убийцы, спасла их, сделав своей собственностью. У жителей Нола был только один Бог – Река и Рожденные Водой, как отец Хизи, который сам был наполовину Бог.

Как она сама. Как Дьен, где бы он ни был.

Странный громкий рыгающий звук раздался за ее спиной. Хизи улыбнулась. Тзэм не был богом. Он был смертный, но близкий, несмотря на то, что родители его принадлежали к разным расам. Смертный и потому более счастливый.

– Прости меня, – произнес он робко.

Хизи едва удержалась, чтобы не ответить ему резкостью.

– Ты знаешь, вовсе не поток затопил нижний город, – сказала она.

– Нет разве?

– Я всегда представляла себе, что сначала поток затопил город. Но на самом деле большая часть нижнего города была засыпана специально. Для того чтобы воздвигнуть новый.

– Значит, следующий поток не станет таким уж бедствием?

– Ты прав, Река не собирается затопить нас, своих детей,

но... – Хизи переминалась с ноги на ногу. – Я слышала, что Река много спит. И потому мы часто должны полагаться только на себя.

– А что, если разбудить ее?

– Думаю, будет еще хуже.

Однако Хизи решила, что пороемся в книгах и поищет ответ на этот вопрос. Основная часть книг была написана жрецами, и, конечно же, многие из них посвящены Реке. Во всяком случае, над этим вопросом стоило поразмыслить. Нынешний дворец имел акведуки и множество пересекающихся каналов, так, чтобы священная вода окружала, оберегала своих детей. И в старом городе наверняка тоже были такие протоки.

– Хотя бы несколько труб непременно должны были сохраниться, – продолжала вслух размышлять Хизи.

– Ты что, уже переменяла тему, принцесса? – спросил Тзэм, удивленно подняв брови.

– Переменяла? Да, пожалуй... Я нашла одну полезную книгу о перестройке дворца. Правда, там, к сожалению, нет карт, но в ней говорится о том, что было сделано. Дворцы засыпали песком и галькой. Вон те дома на задворках были почти сплошь дворцы, и стены были толще, чем сейчас во дворце. А когда засыпали дворы, можно было строить прямо сверху над старыми зданиями, даже если комнаты оставались не забиты песком. Вот откуда трещины в полу в старых отсеках – под ними пустое пространство. И вот почему мы

никуда не попали. И даже когда мы натыкались на анфиладу комнат, не заполненных песком или водой, на самом деле это были все те же дворцы. Ты помнишь ту трубу, Тэм? Ту, что мы с тобой нашли примерно год назад.

Тэм хмыкнул.

– В которую я не мог залезть?

– Да. Не сомневаюсь, это была одна из священных труб, специально проложенных, чтобы подавать воду в каналы и фонтаны внутри дворца.

– И что? Она тоже была перерыта?

– Она рухнула. Притом, я уверена, совсем недавно. И если только найти эти... Если бы удалось узнать, где находились эти старинные храмовые святилища...

– Принцесса! – Тэм смотрел на нее во все глаза. – Храмы?! Но мы не можем заходить в храмы.

– Почему не можем? Я даже надеюсь, что когда-нибудь будет храм, посвященный мне, такой же, как храм в честь моего отца.

– Но в честь Тэма храма не построят. Тэма могут обвинить в святотатстве. Тэму кажется, что и тебя тоже могут, принцесса, что бы ты ни думала по этому поводу.

– Н-да. Ну хорошо, про это я тоже что-нибудь отыщу.

– Принцесса, ты провела в архиве всего лишь день и отыскала всего лишь одну книгу.

– Но, сознайся, это ведь лучше, чем рыскать в темноте, набивая себе шишки, как мы делали до сих пор. За один день

я узнаю о предмете, который нас интересует, больше, чем я поняла за прошедшие два года.

– Пожалуй, ты права. И я готов все сделать, чтобы ты не рыскала в темноте.

– И ты сам тоже, – добавила Хизи.

– И это правда, – согласился Тзэм.

IV

ЧАША С КАПАКОЙ

Ладони Перкара горели от удара – топор, отколов щепу от бревна, со свистом вырвался у него из рук. Ангата выругался и отскочил в сторону, едва увернувшись от тяжелого лезвия, которое чуть не вонзилось ему в бедро.

– Где глаза у тебя, дурак несчастный?! – злобно крикнул Ангата.

– Извини, – сказал Перкар, даже не дав себе труда вникнуть в слова родича.

– Извинение не помогло, если бы ты пропорол мне ногу до кости. – Тряхнув головой, Ангата отбросил назад упавшие на лицо густые каштановые волосы, но глаза все еще смотрели не по-доброму.

Перкар пожал плечами:

– Извиниться – это все, что я могу сделать.

– Но это, к сожалению, не поможет нам достроить забор. – Ангата безнадежно махнул рукой в сторону, где готовая ограда змейкой вилась, уходя в лес, однако еще оставалось неогороженным не меньше пол-лиги пастбища.

– Знаю, – мрачно буркнул Перкар.

Ангата молча посмотрел на него, потом, пожав плечами, опустил в свежую мягкую траву и сел, скрестив ноги.

– Можем в таком случае и передохнуть, – сказал он со

вздохом. – Ты все утро какой-то странный, а у меня, надо сказать, нет желания прыгать на одной ноге до дамакуты твоего отца. Отец хотел, чтобы мы кончили ограду к новолунию.

– Но он не сказал, к какому именно новолунию, так ведь? – Перкар покачал головой и вдруг широко улыбнулся. – Уговорил. Посижу немного.

– Посиди. Пока не вспомнишь, что тебе надо делать твою ограду.

– Не мою, а отцовскую, – поправил родича Перкар, но в голосе его слышалось явное раздражение.

– Ах да, конечно же не твою.

Перкар пожевал нижнюю губу.

– Мне вчера минуло семнадцать. Понимаешь, Ангата, семнадцать. А я все работаю на отца... Да, да, безусловно. Отец великий человек. И Пираку у него много. Ну а у меня-то что есть?

– Его красивая наружность, – усмехнулся Ангата.

Перкар внимательно поглядел на него:

– Мне следовало думать, прежде чем говорить с тобой об этом.

Он отвернулся и стал смотреть куда-то в сторону леса. Наступило неловкое молчание. Нахмутив брови, Перкар весь ушел в свои переживания, а на лице Ангаты застыла напряженная ухмылка.

Ангата первым нарушил молчание.

– Ты же знаешь, что я тебе отвечу, – сказал он тихо. –

Найди себе женщину. Невесту с богатым приданым, тестя с большим количеством земли.

– Тебе только осталось сказать: «женись на дочери Бакьюма», – огрызнулся Перкар.

– А что в этом худого? Ты просто дурак, Перкар. женись на дочери Бакьюма. Бакьюм ведь давал тебе за дочью два пастбища, двадцать коров и хорошего племенного быка, хотя всего этого можно было не предлагать, когда выдаешь замуж такую девушку, как Кихьюзю. Красивее невесты не сыскать.

– Мне она не нравится.

– Я слышал, как твой отец говорил, что даст в придачу еще десять коров, если ты на ней женишься.

– Так и сказал? Значит, у меня теперь есть приданое, – ухмыльнулся Перкар.

Ангата дотронулся до его руки, но Перкар резко дернулся и отпрянул назад.

– Ты должен забыть ее, Перкар. – Голос Ангаты стал еще тише, и Перкар понимал, что сейчас речь идет уже не о дочери Бакьюма.

– Тебе легко говорить. Ты ее никогда не знал.

– Нет, конечно. – Ангата уже начинал горячиться. – Я никогда не спал с богиней. Но я спал достаточно много с женщинами, и уверяю тебя, они почти все одинаковые. Мне трудно себе представить, что богиня так уж сильно от них отличается.

Губы Перкара вытянулись и голос слегка дрожал, когда он

едва слышно произнес:

– Я... Я не могу судить.

У Ангаты ответ готов был сорваться с языка, но, услышав растерянные слова Перкара, он оторопело разинул рот.

– Ты что, ни разу... ни разу не пробовал? Погоди... А последний сенокос? Дочка Кьюно.

– Я не мог. Я просто... не мог, Ангата. Я пытался.

Ангата потер лоб и произнес какое-то заклинание.

Его пронзительный взгляд рассеянно блуждал, не зная, на чем остановиться.

– Это не иначе как колдовство, – проговорил он, как бы извиняясь. – Не может быть, чтобы не было способа...

– Это не колдовство, – сказал Перкар. – Она говорит то же самое, что и ты. Найди земную женщину. Заведи детей. Выращивай скот. Будь мужчиной. Но я не могу, Ангата. И не знаю, смогу ли когда-либо.

Ангата снова пожал плечами, но, судя по тому, как сдвинулись его брови, ясно было, что к нему возвращается его привычная уверенность и он ищет решение. Ангата любил головоломки, Перкар это хорошо помнил. «Постель только десятая часть брака», – любил он повторять чье-то высказывание.

– Ты научишься со временем, Перкар. Научишься любить земную женщину.

Перкар отрицательно помотал головой, но Ангата настойчиво кивнул еще раз, подтверждая свою уверенность и пока-

зывая тем самым, что можно перейти к обсуждению других насущных дел.

– Все отлично, – объявил он. – Телегу можно сколотить не обязательно одним-единственным инструментом. – И для того, чтобы исправить свой не очень удачный афоризм, добавил: – Я хочу сказать, что к Пираку ведет множество путей.

– Так-то лучше, – согласился Перкар.

– Я знаю несколько парней нашего возраста, у которых вообще нет никакой земли, и знаю таких, у которых земля есть, но мало, а им хотелось бы больше...

– Например, как тебе самому, – перебил его Перкар.

– Да. Камышовая Долина – место неплохое, но у меня не хватает скота, чтобы ее заполнить. И по моему убеждению, надо не сидеть сложа руки, а предпринять что-нибудь вроде того, о чем поется в эпических песнях.

– Ты хочешь сказать, что нужно собрать боевой отряд и отправиться добывать землю?

– Вот именно. Безземельные могли бы поделить захваченную землю, а те, у кого нет скота, забрать коров.

– Но для этого угодыя должны быть очень большими а иначе не стоит и стараться, – заметил Перкар. – Хотя, конечно, некоторым из нас суждено будет погибнуть.

– Может быть. Но я слышал о походах, когда не было ни одной жертвы.

Лицо Перкара вдруг стало серьезным.

– Ангата, кто эти люди? На кого ты собираешься идти вой-

ной? – спросил он. – На Локухьюну, с чьим сыном мы охотились, когда были детьми, и который встанет рядом с отцом, как только ты нападешь на него? Или Трувана, с чьей дочерью ты хороводился и который подарил моему отцу быка в знак дружбы? Или же Кону с горных пастбищ, жена которого каждый год к началу Большого Собрания жертвует Китана, а их зять Хатихан играет так красиво на арфе, что собирает возле себя всех детей? Вместо того чтобы носиться вокруг пиршественного зала, всем надоедать и сбивать с ног слуг, несущих блюда с угощением, дети тихо слушают музыку? Или, быть может, мы отберем земли у Капаки, владения Верховного Вождя?

– Нет, нет! – Ангата отчаянно замахал руками. – Ты упомянул тех, кто живет рядом с нами, близких нашему сердцу людей. Но ведь есть еще и те, кто живет далеко на границе лесной страны, около больших травяных морей, с которыми у нас нет родственных отношений. Они отказываются от всех наших приглашений приехать на Большое Собрание, на сенокос, на все праздники. И мы им ничем не обязаны.

Перкар хмыкнул.

– Они отказываются от наших приглашений потому, что не решаются ни на минуту оставить без присмотра свои дамакуты. У них буквально на закорках менги, брат мой. Отец один раз дрался против менгов, и мы чуть не потеряли все, что у нас есть. Это был какой-то собранный боевой отряд. Те, кто живет на окраинах, больше приспособлены к войне,

чем мы здесь. Они подрубят нас под корень, как пшеницу. А если даже этого не случится и мы каким-то образом одержим победу, у нас за спиной тут же окажутся менги. Тебе-то, наверное, это не грозит, ты заберешь скот и вернешься в целости в Камышовую Долину. А вот у меня нет ни малейшего желания жить вблизи равнин.

– Значит, и Пираку у тебя нет желания получить? – насмешливо сказал Ангата. – Если ты не женишься и не одержишь победу, считай, что ты никогда ничего не получишь.

Перкар поджал губы.

– Мой дед женился на дочери человека, не имевшего ни клочка земли, и, кроме того, дед никогда ни с кем не сражался. Однако купил достаточно земли, что бы устроить там пастбища для тысячи голов рогатого скота.

– Твой дед заключил сделку с Владыкой Леса для того, чтобы отвоевать у леса землю. Такое удается раз за десять поколений.

– Верно. Все так и есть, – сказал Перкар с расстановкой. – А сейчас давай вернемся к работе. Обещаю не рубить конечностей.

– Согласен.

– Что касается головы, поручиться не могу, если ты выболтаешь, о чем мы с тобой здесь говорили.

Солнечный свет густел, постепенно превращаясь в золото, когда Перкар услышал топот копыт за спиной. Рука его

невольно ждала топориче – он все еще чувствовал себя неудобно после недавнего разговора с Ангатой о войне. По иронии судьбы Ангата только что ушел через горы в свои владения, считая, что долг его Шири так или иначе заплачен. А если вдруг случится, что приближающийся всадник какой-нибудь сумасшедший менг, Ангата многое потеряет, пропустив веселое зрелище.

Он узнал черно-рыжего жеребца его брата Хини.

– Эгей, старший брат! – заорал во всю мочь Хини – по голосу легко было угадать, что он чем-то взволнован, да и щеки пылали от возбуждения.

– Ты бы лучше надел седло, – сказал Перкар. – Калечишь ведь так коня.

Хини раздраженно насупился, хотя упрек брата явно не дошел до его сознания, и сразу же стал выкладывать новости.

– Здесь Капака. Отец хочет, чтобы ты пришел его приветствовать. Ну давай, прыгай. – Хини широко улыбнулся. – И уж не посетуй, братец, что без седла.

Перкар кивнул и взобрался на спину лошади позади брата. Десятилетний мальчуган с такими же каштановыми, как у матери, волосами и с тем же орлиным носом, что у Перкара, явно унаследованным от Шири, хотя у Хини нос был пока еще по-детски короткий.

Капака... Зачем я ему нужен? У Перкара свело в животе от страха.

– Ты вырос, Перкар, – сказал старик после того, как по

всем правилам ритуала были произнесены приветственные слова и он принял первую чашу воти из рук Шири, но прежде чем поднести ее к губам, он поднял ее, воздавая честь хозяину дома. Капаке было лет шестьдесят с небольшим. Лицо, покрытое темным загаром, было все в шрамах и вместо бороды – щетина. Даже когда он сидел, было видно, что он на голову ниже отца и, значит, на полголовы ниже Перкара. Перкар сидел на полу, как того требовал обычай, – обращаясь к вождю, ты должен смотреть на него снизу вверх.

– Как же, как же. Я отлично помню постреленка, перемазанного грязью с ног до головы. Но то время прошло, и нынче ты стал взрослым мужчиной.

Отец хлопнул Перкара по плечу.

– Ты прав. Лучше него никто не владеет мечом, а работать может с утра до вечера без усталости.

– Это хорошо, очень хорошо. Приятно видеть, когда мальчик правильно воспитан. – Капака второй раз пригубил чашу. Затем поставил ее на стол. – Ну а теперь, Шири, я хочу спросить кое-что о твоём стаде...

Внимание Перкара стало рассеиваться. Сейчас отец и Капака начнут сравнивать свои Пираку, не хвастаясь, но достойно, стараясь не забыть ни одной мелочи из своего имущества. Это была такая особая мужская игра, и, конечно, Перкар не имел к ней никакого отношения. Он с любопытством разглядывал людей, приехавших с вождем из его дома в Марауте.

Как и сам вождь, внешне они ничем не выделялись – та же простая одежда, что и на остальных. После окончания приветственной церемонии четверо из них уселись в самом конце зала и о чем-то переговаривались вполголоса. Один был примерно ростом с Перкара, но массивнее и потяжелее, с черными спутанными космами и звероватой улыбкой; он беспрестанно жестикулировал, когда говорил. Рядом с ним сидел парень, которого Перкар мельком где-то видел раньше. Он знал, что его зовут Эрука и что он из племени кушутов – худющий как скелет, с впалыми щеками и волосами цвета сухой соломы. Перкару почему-то запомнилось, что он сочиняет песни. Третий был постарше. Судя по следам от шрамов на лице и седине в рыжих волосах, лет ему было, очевидно, почти столько же, сколько отцу, тридцать пять или сорок. Перкара удивила его прическа: волосы не были обрешаны ниже ушей, они были длинные и заплетены в косу, как у женщины. Правда, во всем остальном он ничем не походил на женщину.

Четвертый член этой компании почти все время молчал и держался немного особняком, но огромные черные глаза внимательно следили за собеседниками. У него были белые и легкие волосы до плеч, стянутые узлом на затылке, что подчеркивал лоб, вернее, его отсутствие. Рот был большой и четко очерченный. Перкару казалось, если этот человек улыбнется, голова его расколется надвое, но, скорее всего такая опасность ему не грозила – он, по-видимому, никогда не

улыбался. По правде говоря, он больше был похож на...

Неожиданно эти странные темные глаза остановились на Перкаре, два одинаковых черных провала, бездонные и пустые. Перкара охватило чувство, что его раздели донага. Человек этот привык к тому, что на него смотрят со страхом, и не сводил с Перкара потустороннего взгляда. Какое-то мгновение Перкар пытался его выдержать и не отвести глаза, но взгляд этот был такой холодный и такой нечеловеческий. Испытывая неловкость и уже начиная злиться, Перкар сделал усилие и переключил внимание снова на Капаку и отца.

Перкар пропустил момент, когда предмет их разговора переменялся, но, прислушавшись к тому, что говорил вождь, он весь обратился в слух.

– ...Вот почему, я думаю, нам нужны новые территории. Ты разве не знаешь, что сын Янвала организовал поход против моего брата? Они, конечно, ничего не добились, но ведь кто-то мог бы и погибнуть. Слишком много нынче сыновей, Шири, и слишком мало земель. Скоро они отправятся на равнины и там присоединятся к менгам.

Отец понимающе кивнул.

– Все может быть. Но ведь эти земли были еще в незапамятные времена присоединены к Домену.

– Я знаю. Я все время думаю о походе, Шири.

– Против менгов?

– Нет. Мы пытались несколько лет назад, помнишь? А сколько мы потеряли тогда прекрасных воинов.

– Мне кажется, погибли главным образом люди безземельные, – вставил Перкар, которому не терпелось показать, что он в чем-то разбирается.

– Да, разумеется. Один из этих погибших был мой сын. – Голос Капаки звучал ровно, но чувствовалось, что старая боль глубоко загнана внутрь.

– Я... я прошу простить меня Капака. Я сказал, не подумав. И вышло грубо.

Старик пожал плечами.

– А что еще остается молодым? Ничего, ничего. Все в порядке, дружок. Я не собираюсь затевать новой войны против менгов, по крайней мере, в ближайшем будущем. Слишком много отцов потеряли сыновей в битве при Нгатакуте. Мои возможности убеждать людей иссякли. – Он улыбнулся. – Самый лучший вождь тот, кто никогда не заставляет народ делать то, что он не хочет.

Перкар кивнул. Мозг лихорадочно работал в поисках решения. Ему казалось, что крушение его надежд и утренний разговор с Ангатой будто круги от камня, брошенного в воду...

Интересно, имеет ко всему этому какое-нибудь отношение она? Скорее всего нет. С того дня, как он стал мужчиной, она всего дважды выходила к нему. Обнимая, лаская его, она упорно не желала говорить о том, что его больше всего волнует.

– В этом-то все и дело, Перкар. Потому я велел отцу по-

слать за тобой. Эти люди отправятся со мной в горы в Балат, старый лес. Хочу сговориться с Владыкой Леса, чтобы он уступил мне еще несколько наделов земли.

– С Владыкой Леса? В Балат? А почему бы тебе не сговориться с местными богами, что живут поблизости?

Капака воздел руки.

– Мы уже пытались, но наши боги, как и мы, подчиняются своему Верховному вождю. Он приказал не уступать нам ни пяди земли без его разрешения. Видишь ли, тут есть еще одна сложность: между нашими землями и Балатом лежат несколько лиг, а потом бесконечно тянутся страны альвов. Мы должны с ним сговориться, чтобы он разрешил нам забрать у них землю.

– А почему это так трудно? – спросил Перкар, в голосе его звучало презрение. – Альвы – голые твари, у них нет Пираку. Почему эти земли должны принадлежать им, а не нам? – Перкар не раз слышал это от молодых людей и считал, что так думают все.

Выслушав его, Капака нахмурился, да и Шири был явно смущен.

– Потому что их притязания на эту землю имеют тысячулетнюю давность, гораздо более древнюю, чем ваши, – произнес над ухом Перкара чей-то очень тихий голос. Перкар подпрыгнул от неожиданности. Неужели можно двигаться так бесшумно? Обернувшись, он увидел странного человека с белыми волосами.

Капака прочистил горло.

– Перкар, это Нгангата с запада. Пожалуй, самый ценный член нашего отряда.

– Ты аль... – вырвалось у Перкара, но он во время остановился.

– Мой отец был альва, – сказал Нгангата. – У меня нет клана.

Перкар кивнул, гадая про себя, что значит не иметь клана. Это, безусловно, делает человека подлым ненавистником, который хочет, чтобы его все боялись. Перкар предпочел бы перебороть страх, чем поддаться ему. Глаза сузились, пока он стоял и обдумывал, как бы побольнее задеть противника, чтобы покончить с ним, обнажить мечи, если до этого дойдет. В его собственном доме это ничтожество выставило его дураком.

– Перкар!

Это был отец, его отец, напомнивший ему о том, что этот не имеющий клана полукровка снискал уважение вождя и что совсем не обязательно выставлять кого-то дураком, если он на самом деле дурак.

– Прости меня, – произнес Перкар, хотя нельзя сказать, что он признал свою вину, однако решил, что все же лучше извиниться.

Нгангата кивнул, давая тем самым понять, что извинение принято. Перкар подумал, что ему следует каким-то образом высказать свою признательность.

– Я почти ничего не знаю об альвах. – Он попытался оправдать свое поведение скорее перед Капакой, чем перед этим странным типом. – Может быть, ты мне что-нибудь расскажешь о них. Особенно если нам предстоит встреча с ними. Можно я буду звать тебя по имени?

– Ты можешь называть меня Нгангата, как зовет вождь. Это не настоящее мое имя.

Перкар сделал вид, что не заметил оскорбления.

– А ты зови меня Перкар, – ответил он тихо. – Это мое настоящее имя.

И кто знает, не доведется ли им когда-нибудь схлестнуться в рукопашной. И тогда ни клана, ни имени, подумал Перкар, но вслух ничего не сказал.

V

СТРАШНОЕ И ЗАПРЕТНОЕ

Хизи на мгновение смежила усталые веки, следя из-под полусомкнутых ресниц за причудливой игрой света. Мелькающие контуры в основном были ей знакомы – изгибы и углы выцветших рельефных фигурок, часть из которых она знала, но большая половина была таинственной, как морской ветер. Который уж день она смотрит на них, пытаясь доискаться смысла с тем же нетерпением, с каким рука тянется расчесать зудящую ранку. А пользы ни от того, ни от другого никакой. Просто она еще мало знает. Ган был прав.

И все же немногое, что становится ей понятным из прочитанного, не дает ей бросить эту мучительную игру. Открытия случаются редко и достаются тяжелой ценой, но зато, какая это сладкая награда, не сравнимая ни с чем, что ей когда-либо довелось испытать.

Квэй, она знает, беспокоится за нее. Ведь она вскакивает с постели с первыми лучами рассвета и возвращается, когда на небе зажигаются звезды, нащупывая в кармане в несколько раз сложенные клочки бумаги. Кусочком угля она копировала знаки, которые не понимала, и по ночам, в постели, при мигающем свете масляной лампы, пыталась разгадать их значение. Это тут же замечал призрак, живущий в ее комнате, – он подходил поближе, наблюдая за ней, а однажды даже

провел невидимым пальцем по листу бумаги. Может быть, в прошлой жизни он был писцом, ученым человеком и любил писать так же, как она сама.

...Надо открыть глаза, уговаривала она себя. Я только начала понимать, о чем идет речь на этой странице. Но глаза не открывались, не прошло и минуты, как ее сковал сон.

Она проснулась оттого, что падает, проваливается в бездну, но это был всего лишь ночной кошмар, какой могут устроить крошечные бесенята, живущие в голове, как считала Квэй. Хизи приложила руку к груди, чтобы унять сердцебиение. В ее полусонном состоянии, когда мутится сознание, она опасалась, что Ган может услышать стук ее сердца. И еще боялась, что Ган застанет ее спящей – она не раз видела, как он безжалостно изгонял всех, кто засыпал во время работы, даже тех, у кого было королевское разрешение на занятия в библиотеке. Разрешение, которого у нее не было. Но нет, если бы он увидел, что она спит, она бы проснулась не оттого, что падает, а от язвительных речей всезнающего мудреца.

От этой мысли ей стало легче. Хотя она еще не совсем понимала, где находится, она снова перевела взгляд на книгу и с ужасом увидела, что книга, вся растерзанная, валяется на полу. Она еле удержалась, чтобы не вскрикнуть. Неужели это она уронила книгу? Ей казалось, что она аккуратно положила ее на стол и обращалась с ней, как с редкой драгоценностью, чем эта книга и была. Но – факт остается фактом – книга лежала перед ней, с раскрытой обложкой, как мерт-

вая птица с перекрученными крыльями. Руки Хизи дрожали, когда она наклонилась, чтобы поднять книгу. Как только она осторожным движением перевернула ее, волнение перешло в панику: у самого основания переплета книга была разорвана – разрыв шел поперек всей страницы, широкий, как река.

Если ты порвешь хотя бы одну страницу, как-то сказал ей Ган. Хотя бы одну...

Хизи стерла слезинки и крепко закрыла глаза, пытаясь сдержать слезы. Если Ган заметит, что она плачет он тут же обо всем догадается. Он потом все равно может узнать, но не от нее. Она собрала всю волю, но еще некоторое время продолжала сидеть неподвижно, обдумывая, как ей лучше поступить. Когда она почувствовала, что совладала со слезами и они не выдадут ее и что лицо ее теперь непроницаемо под привычной бесстрастной маской, она осторожно закрыла книгу. Никто не догадается, что книга порвана, когда она закрыта. Эта мысль ее утешила, и от сердца слегка отлегло. Она поставила на место том в темно-красном кожаном переплете, втиснув его между такими же томами.

Она взяла с полки еще одну книгу, где надеялась найти что-нибудь об освящении храмов Первой Династии. Поскольку во время освящения на опорных и основных балках и колоннах храмовых зданий непременно рисовали символические имена Реки, она пришла к выводу, что в книге должно быть подробное описание того, как проектировали и строили храмы. После получасового раздумья Хизи поня-

ла, что ошиблась: в храмах династии ее отца имелись многочисленные росписи, тогда как церемония освящения храмов Первой Династии сопровождалась возжиганием особых и сложных по составу ароматических веществ. Поэтому было мало надежды отыскать в книге какие-нибудь сведения об архитектуре. Веки снова начали смыкаться, и Хизи, из страха порвать еще одну книгу, отнесла уже ненужный том и поставила в шкаф. Гордясь собой, она спокойно, не дрогнув, прошла мимо Гана так, словно все было в полном порядке. И как обычно, он даже не удостоил ее взглядом.

Выйдя из зала, она первым делом поспешила туда, где сидел, облокотившись о стену, Тзэм. Он беседовал с каким-то молодым человеком в придворном платье, очевидно, из мелкой знати. При виде Хизи молодой человек слегка поднял брови, распрощался с Тзэмом и удалился по коридору. Хизи едва обратила на него внимание. Она бросилась к Тзэму и потянула его за рукав:

– Пошли, Тзэм. Прямо сейчас.

Тзэм кивнул и, насупив брови, с усилием поднялся на ноги.

– Что-то ты сегодня рано, – заметил он, когда они шли через зал, в котором собиралось все больше народа.

Вот-вот должна была начаться церемония очищения, и все люди направлялись к открытым фонтанам. Хизи, естественно, не участвовала в таких церемониях, и хотя Тзэм по статусу должен был присоединиться к молящимся, она ни

словом не выдала своего намерения отпустить его.

– Да, я подумала, что могу помочь Квэй на кухне, – сказала она.

Тзэм фыркнул:

– Нет нужды лгать мне, принцесса. Тзэм всегда к твоим услугам.

Хизи нахмурилась, раздосадованная тем, что Тзэм так легко раскусил ее. Они миновали Двор Белого Тысячелистника и ступили в королевское крыло дворца, где навстречу им попадалось все меньше людей, спешащих на молитву.

– Саламандра, случайно, не обидел тебя, госпожа? – спросил Тзэм. Саламандрой Тзэм окрестил Гана за его круглую гладкую физиономию.

– Нет, Тзэм. – Хизи испугалась, что снова польются слезы. Ей удалось сегодня сдержаться их, и она была довольна собой.

Тзэм хмыкнул, и некоторое время они шли молча.

– Госпожа, ты знакома с Вез Йехд Ну? – спросил он, когда они на минуту остановились.

– С кем? Не понимаю, о ком ты говоришь.

– Я просто подумал, может, ты его знаешь.

– А почему я должна его знать?

– Он из богатой влиятельной семьи.

– И весьма неразборчивый в средствах. В прошлом веке они обманом и шантажом заполучили земли. Там было убийство, или даже не одно, насколько я помню.

– Никогда не слышал об этом, – проворчал Тзэм. – Об этом

не говорят, особенно сейчас, когда в их жилах течет королевская кровь. Есть старые записи – жрец там сетует на разжижение Речной крови, на смешение ее с кровью воров и головорезов.

– Но ведь это было давным-давно, лет сто назад.

– Довольно давно.

– Один молодой человек из этой семьи, некий Вез...

– Не с ним ли ты разговаривал в зале?

Тзэм задержал шаг и прислонился спиной к яркой бирюзовой стене Зала Людей Ветра, куда они только что вошли.

– Да, это был он, – сказал он мрачно.

– Ну на этот раз перестань мне лгать, Тзэм. Когда я вошла, он улизнул, как ящерица при виде кота. И что же от тебя хочет этот Вез? Предупреждаю, если ты надеешься, что я хотя бы на день отпущу тебя охранять какого-то болвана, когда он соизволит отправиться в город и там напиться...

– Да нет же, нет, принцесса. Он просил совсем не об этом.

– О чем же тогда?

– Он просил меня поговорить с тобой.

– О чем? – Хизи начал раздражать разговор, так как она не могла понять, куда клонит Тзэм.

– Он хочет, чтобы ты согласилась с ним встретиться в Ониксовом дворце или, может быть, в любом другом месте, которое ты выберешь.

– Встретиться для чего?

– Он поручил мне сказать тебе кое-что, – чуть слышно

пробормотал Тзэм. Лицо его залилось краской, почти такой же густой, как в тот день, когда Хизи застала его со служанкой, которая время от времени приходила чистить цистерну для воды, – они с Тзэмом сидели, тесно прижавшись и пихая друг друга в глубине старого водяного хранилища.

– Кое-что сказать? – переспросила Хизи.

Тзэм откашлялся и в замешательстве опустил глаза, отчего лицо сразу стало скорбным.

Куда идешь в сиянии красы?
Тебя не в силах описать язык,
Я вымолвить твое не в силах имя,
Оно неуловимо, как...

– Хватит, Тзэм, остановись, – злобно прошипела Хизи.

– Я, конечно, небольшой мастер декламировать стихи...

– В данном случае это не имеет значения. Я не хочу ничего слушать. Этот молокосос решил поухаживать за мной?

– Ему бы хотелось...

– Еще этого не хватало. Нет!

Тзэм поджал губы, но его грубая физиономия смягчилась.

– Принцесса, разве это тебе так уж неприятно? – спросил он.

– У меня на это нет времени, – отрезала Хизи, а про себя подумала, что больше всего ей не хочется доставить радость Гану, который будет считать, что сбылись его предсказания.

– А что мне ему сказать? – спросил, тяжело вздохнув, Тз-

ЭМ.

– Скажи, что хочешь. Меня это не касается.

– Воля твоя, принцесса.

– Вот именно, – ответила Хизи и быстрыми шагами пошла вперед, мечтая поскорее добраться до постели, побыть одной в тишине и постараться забыть хотя бы на время все сегодняшние невзгоды.

Отдых пошел Хизи на пользу – она спала намного дольше, чем в две прошлые ночи. Но хотя сон снял усталость, ее не покидало гнетущее ощущение, что она не успевает, теряет время. Она наскоро проглотила завтрак – рис с копченым мясом, который ждал ее возле постели, и, не успев даже поблагодарить Квэй, бросилась в библиотеку. Она не остановилась, чтобы позвать Тзэма, но он отправился за ней и догнал еще в королевском крыле дворца, у Зала Мгновений, мраморного коридора, переливающегося разными цветами в меняющемся свете стеклянных подкрашенных светильников. Хизи задержалась там, чтобы дождаться своего нелепого великана и полюбоваться прекрасным залом. Дальше, за этим коридором были отец и мать, тетушки и дяди, старшие братья и сестры.

– Какой красивый зал, Тзэм.

– Да, неплохой.

– Как ты думаешь, когда мне будет позволено пройти через этот зал и жить с отцом и матерью?

– Когда придет время, принцесса.

– Да, когда придет время. Мой брат Лана пошел туда прошлой осенью. Ему исполнилось тринадцать, а мне почти столько же сейчас.

– Тогда, может быть, скоро, принцесса.

– Тзэм, ты ведь знаешь, разве нет? Почему мы живем здесь, в королевском крыле дворца, но не с семьей? Почему нас, детей, переселяют сюда в десятилетнем возрасте? А если не переселят, то забирают куда-то, во тьму под городом.

Тзэм молчал и, казалось, сосредоточил все свое внимание на игре меняющегося света.

– Вначале я хотела найти Дьена. Я все еще хочу, Тзэм, но иногда я думаю о своей судьбе. Разрешат ли мне пройти через этот зал и жить с отцом и матерью? Или же и мне придется уйти вниз под город, куда они увели Дьена? Если ты любишь меня, Тзэм, то должен сказать.

Тзэм кивнул.

– Мы уже это обсуждали с тобой, принцесса. Я не могу тебе ответить. Я бы ответил, если бы мог. Я тебя очень люблю.

Хизи поглядела на него и испугалась: лицо его перекошилось от боли, а глаза тускло поблескивали.

– Ты не можешь мне сказать? – спросила Хизи.

Тзэм кивнул. Он открыл рот, но слов не было, только беззвучно шевелились губы. Он вздрогнул всем телом, глаза задергались под толстыми веками. Затем он начал трястись.

– Тзэм, не надо! Успокойся! – Хизи подбежала к нему и обняла за талию, но ее руки едва доставали до его спины.

Огромное тело содрогалось и корчилося, как в конвульсиях. Так она стояла, прижав его к себе, и постепенно дрожь стала утихать, а потом и совсем прекратилась. Она сжимала его изо всех сил, пока лапища, размером с большое блюдо, мягким движением не развела ее руки. – Я не знаю, Тзэм. Прости меня.

– Они делают нечто ужасное с нами, когда мы еще совсем юные, – сказал Тзэм каким-то усталым натруженным голосом. – С теми, кого выбирают для того, чтобы они работали и жили в королевских покоях, как я, например, или Квэй. Это все жрецы. И мы не сможем об этом говорить. Теперь ты понимаешь?

– Понимаю. Я знаю, что значит запрет.

Я бы все тебе рассказал, если бы мог, принцесса.

Я знаю. Пошли. Пойдем в библиотеку.

Ее тревога за Тзэма, пока они шли, улеглась, но не потому, что ей был безразличен полувеликан – просто злость постепенно улетучилась. Что так тщательно скрывали от нее, ее братьев, и сестер, и других родственников? Сейчас она знает не больше, чем Дьен перед тем, как он исчез.

Свет снова обрушился на них сверху, когда они шли через Двор Козерога, но, несмотря на яркое естественное освещение, то тут, то тут вспыхивали таинственные светильники. Хизи помрачнела, и по тому, как она ухмыльнулась, было видно, что какая-то внезапная догадка вызвала новый гневный приступ.

Архитектура тут ни при чем. «Заниматься надо совсем другим, – едва слышно пробормотала она, как бы отвечая собственным мыслям. – Дело в нас. В нашей королевской крови. Это прямо касается нас». Ей теперь это было так ясно, так очевидно. Оставалось только найти исчезнувших членов королевской семьи. Найти Дьена. И сделать это должна она. Именно этим она сейчас и займется.

Но как это сделать? Она даже не представляла, с чего начинать. До сих пор в ее поисках ей ни разу не удалось найти то, что она искала, ничего похожего. Ган был прав, абсолютно прав. Можно всю жизнь рыться в книгах, но так и не понять, для чего ты это делаешь, особенно если знания ограничены, а умения мало.

Мозг ее напряженно работал, обдумывая и просчитывая все возможности. Когда они дошли до библиотеки, Тзэм, как всегда, сел ждать ее слева от дверного прохода. Хизи переступила порог, все еще не решив, с чего она начнет, заранее сгорая от нетерпения поскорее взяться за дело. Однако, войдя в зал, она сразу же почувствовала грозовые разряды в воздухе: Ган поднял голову и поглядел на нее в упор, впервые встретившись с ней взглядом. Слегка нахмурившись, он поднялся с места, в руках он держал книгу в темно-красном переплете. Сердце упало в груди, когда он поманил ее пальцем.

С пылающими щеками Хизи подошла к нему.

– Ты помнишь, что я тебе говорил? – Голос был совсем

тихий, и Хизи ясно слышала сухой звук листаемых страниц.

– Она уже была разорвана. – Хизи изо всех сил старалась придать голосу уверенность.

– А еще я тебе говорил, что отучу тебя лгать, – мягко, почти вкрадчиво сказал Ган. – Откуда ты знала, в чем я собираюсь тебя обвинить?

Каким образом ему стало известно, что она брала эту книгу? Это было невероятно. Невероятно, если только... Ей показалось, что каким-то образом это возможно, но думать сейчас она не могла – она была слишком напугана и рядом все еще стоял Ган и что-то от нее требовал.

– Ну, так что же? – спросил он.

– Я... я заснула. И она порвалась.

– Я предупреждал тебя.

– Прошу тебя... – Она замолчала, не зная, как умолить его, что пообещать сделать. Однако, взглянув на его лицо, она поняла, что все попытки бесполезны.

– Никакой торговли со мной, принцесса. В этой комнате хозяин я и подчиняюсь только приказам твоего отца. А твой отец не будет тебя защищать.

– Может, мне больше сюда не приходиться? – Хизи подумала, что она не будет из-за этого плакать, и ей вдруг стало легче – она больше сюда не придет, пока во всяком случае.

– О нет, принцесса. Ты будешь сюда приходиться каждый день и делать то, что я тебе велю. – Он держал в руке свернутый листок бумаги. Бумага Чанг, на которой писали все

деловые королевские бумаги.

– Твой отец любезно согласился поставить здесь свою подпись, принцесса.

– Что это? – В голове все ныло, ноги были ватные, как не свои, и она боялась грохнуться без чувств.

– Это контракт. Ты в долгу перед королевской библиотекой. В дневные часы ты будешь как бы моей служанкой, будешь выполнять любую работу, какую я сочту нужной. И ты не должна жаловаться, иначе тебя за волосы привяжут к позорному столбу в Большом дворце. Надеюсь, ты поняла?

– Служанкой?! – взорвалась Хизи. – Какая я служанка? Я принцесса.

– Мне это все равно. Особенно теперь, когда у меня на руках этот документ. Даже король, твой отец, служит Реке, а ты служишь ему, как и вся королевская семья. И это он приказал, чтобы ты служила мне.

Он протянул Хизи бумагу.

Она взяла ее дрожащими пальцами, но прочесть не могла, ей никак не удавалось сосредоточиться. В конце стояла подпись отца, его печать, это она увидела. И подпись, и печать были поставлены отцовской рукой, обмана здесь не было.

– Я... я, – открыла рот Хизи, но Ган перебил ее:

– Первое мое требование – молчать и говорить, только когда я тебе разрешу.

– Да, Ган, – сказала она, опустив глаза.

– Сегодня я покажу тебе, как чинить книги. Там для те-

бя непочатый край работы. А после этого, я полагаю... – Он оглядел комнату каким-то ненасытным взглядом. – Кстати, ты продвинулась в чтении на старом алфавите? Можешь ответить.

– Я старалась... – Голос вдруг осекся. Разве в силах читать она старинный алфавит так свободно, как этого требует Ган?

Ган пристально поглядел на нее.

– Тут еще масса работы по индексированию. Ты знаешь, что это такое?

– Нет, Ган.

– Какое невежество. – Он тяжело вздохнул. – Полагаю, это уже не исправить.

– Если я...

– Я не просил тебя разговаривать, – прошипел Ганн с искажившимся от злобы лицом.

– Прошу прощения. Я...

– Молчать!

Вся гордость Хизи встала на дыбы, но она, сделав усилие, сдержалась и не возразила ему.

– Иди за мной. И не смей останавливаться и рвать книги.

Ган подвел ее к маленькому столику, где лежали листы белой бумаги, доски вместо пресса и стояла мисочка с клеем.

– Слезы дешево стоят. Это самое простое. Любой простофиля может выдавить их из себя, – сказал Ган. – Я вначале покажу тебе, как это делается, а потом уже займемся переплетом.

Хизи кивнула. Она тупо следила за тем, как его темные мягкие пальцы ловко справляются с бумагой.

– Клея бери немного. Столько, сколько требуется, и смотри не переложи.

У Хизи вдруг мелькнуло подозрение – видение во время сна. Ган, стоящий над ней, наклоняется и рвет книгу, а потом уходит, оставив ее спящей. Он вполне мог это сделать нарочно, чтобы унижить ее, наказать за то, что она без приглашения ворвалась в его драгоценную библиотеку.

Палец Гана, как маятник, закачался у нее перед носом – он сердито грозил ей, и вид при этом у него был свирепый.

– Ты не слушаешь, – сказал он возмущенно.

Так оно и есть, подумала Хизи. Она ни слова не слышала из того, что он говорил.

VI

ДАР КРОВИ

– Молю тебя, – простонал Перкар. – Я уезжаю. Молю тебя, богиня, дай мне твое благословение.

Ручей продолжал течь, как всегда, лаская лишь его лодыжки, но и то безразлично, будто это были палки или скала.

– Я молю тебя, богиня, – повторял он без конца. А высоко в небе катилось и катилось солнце.

И только перед тем, как оно село, вода, наконец, забурлила и он увидел ее. Она стояла и наблюдала за ним.

– Я не могу любить тебя. Я не создана для этого.

– Это не имеет значения. – Он понимал, что рано или поздно ее красота погубит его. Такая страшная, такая дивная красота. Даже во сне ее невозможно возвеличить или приукрасить. Во сне ее красота только тускнела.

Она стряхнула с волос запутавшиеся в них листья. Мокрая смоляная прядка упала ей на правый глаз.

– Ты не имеешь права, не имеешь никакого права добавлять муку к моим страданиям. Ты такая же зверюга, как все остальные.

– Но ведь ты любишь меня.

Лицо ее дернулось, и губы растянулись в улыбке, но в самых их углах затаилось что-то недоброе.

– Ты не понимаешь, что я чувствую, Перкар. Я не зверь...

во мне, наверное, уживается много всякого. И когда именно так я думаю о себе, в воплощении... в воплощении этого несчастного маленького существа, чья кровь течет во мне, я, мне кажется, люблю тебя. Но моя любовь, она особая, ты никогда в ней не разберешься. – Она покачала головой, жест очень человеческий. – Уходи, проживи свою жизнь и умри, и забудь про меня.

– Я и собираюсь уехать, – ответил Перкар.

– Вот и хорошо. И держись от меня подальше.

– Только когда умру.

Она неожиданно смягчилась, подойдя к нему, погладила его по лицу. Но потом сразу же отдернула руку и отошла назад.

– Среди духов ходит слух, что ты собираешься говорить с Владыкой Леса, – прошептала она.

– Собираюсь.

– Ты будешь совсем близко от него, от Пожирателя.

– Не так уж близко, – пробормотал Перкар, пытаясь дотянуться до нее. – Мы едем на север, а затем на восток. Ты... большая Река ведь на юге... Там, где ты... он...

– Где он глотает меня. Где он меня убивает и пожирает. И я скольжу вниз в его теле, а голова его остается высоко в горах. Ты будешь близко от него и, прошу тебя, будь осторожен. Он почует мой запах на тебе и попробует, чтобы убедиться. Он уже тебя знает, любимый. Пожирая меня, он проглотил твоё семя. Обещай мне, что не подойдешь к нему

близко.

– Обещаю тебе, что найду способ убить его.

Богиня выбросила вперед руку и крепко ударила его по щеке. Все это произошло в одно мгновение, быстро, словно рыбка скользнула.

– Ты мальчишка, – прошипела она. – И мысли у тебя, как у глупого мальчишки. Будь мужчиной и живи, думая о том, что может случиться, что происходит вокруг, а не только о своих детских прихотях.

Перкар был настолько потрясен, что не мог в ответ вымолвить ни слова. Голос все еще не вернулся к нему, когда она, нырнув, исчезла.

– Я тебе уже говорил, ты должен взять с собой нашу старую Желтую Гриву, – продолжал настаивать Хини.

Перкар едва заметно улыбнулся младшему братишке.

– Не думаю, что Желтая Грива долго протянет в Балате... или в каком-нибудь дремучем лесу. Мне кажется, Желтой Гриве лучше остаться там, где она есть. Она вполне довольна своей жизнью.

– Но я не понимаю, почему ты обязательно должен взять с собой Катасапала?

– Потому что дал мне его отец. Что тебе не нравится? У тебя ведь есть прекрасный жеребец.

– У тебя тоже.

– Для путешествия, как наше, надо иметь много лошадей.

– Это ты так говоришь.

– Погляди, когда приедут вместе с вождем остальные. – Перкар потрепал мальчика по голове. – У них у всех будет больше, чем по одной лошади.

– Конечно, больше. Их ведь много, не один же человек, и вождь этот, такой смешной...

– Я хотел сказать, что у каждого из них будет больше, чем один конь. – Перкар шуганул рыжего цыпленка, который клевал что-то у самого сапога, очевидно зернышки, что выпали у Перкара из горсти, когда он кормил лошадей. – Я возьму Катасапала и конечно же менга, – сказал он.

Менг был любимым конем Перкара. Много лет назад, когда в долину пришли свирепые грабители менги, много людей полегло, а их родичи никогда не увидели их могил. Животные плохо поддавались тренировке – так, во всяком случае, говорил отец, но у одного из этих жеребцов была кобыла с жеребенком. Менг был вторым в этой линии, гордый, горячий конь с ярко-рыжими, цвета засохшей крови, полосками на шее.

– Хини, дай брату передохнуть. Ему нужна самая лучшая в мире лошадь.

Оба брата, услышав голос, повернули головы.

– Здравствуй, мама, – сказали они почти хором.

– Хини, надо покормить цыплят. Будь добр, позаботься об этом.

Перкар низко наклонил голову и стал поправлять тюки на

спине кобылы, пытаясь избежать встревоженный материнский взгляд.

– Не стоит так усердствовать, Мазати, – сказала она.

Перкар состроил гримасу и продолжал еще усерднее возиться с лошадьёю.

– Плохая примета назвать мужчину его детским именем до того, как он отправится на поиски Пираку, – заявил он.

Мать насмешливо фыркнула, и Перкар, впервые подняв глаза, взглянул на нее: темно-рыжие волосы, на голове фетровая шляпа с высокой тульёй, свидетельствующая, что она жена вождя. Ястребиное перо свисало с кисточки наверху шляпы. Она оделась, как подобает матери, отправляющей на войну сына.

– Ты слишком далеко ищешь Пираку, сынок. Найти ее можно поближе к дому.

– Я не найду ее здесь.

– Потому что ты глуп, другой причины нет.

– Отец говорил... – начал было Перкар, но мать перебила его, рассмеявшись невесело:

– Да, я слыхала обоих вчера вечером: у старого, что мало-го, в голове только воти да глупость. Так уж красиво говорили про великие походы, про битвы на мечях. А сегодня вечером, Перкар, твой отец придет ко мне – он не будет плакать, он только положит голову мне на грудь и не заснет всю ночь.

Из груди Перкара вырвался глубокий вздох.

– Не могу же я жить при нем вечно. Он это знает.

– Капака – безрассудный человек, и все его воинские кампании – сплошное безрассудство. Отец твой знает это.

В ответ Перкар только пожал плечами. Мать молча смотрела, как он снова и снова проверяет и подтягивает хорошо уложенные тюки.

– Они скоро будут здесь, мать. Не совсем прилично, если они тебя тут застанут, будто ты пришла нянчить и опекать меня.

– Часовой на башне объявит, как только они появятся. У меня будет достаточно времени, чтобы дойти до порога.

Перкар нехотя кивнул. Он чувствовал, как глупо без конца проверять тюки. Он вынул меч, протер его тряпкой, и на нем сразу же заблестели лучи утреннего солнца.

– Четыре поколения. Но мой сын единственный оказался загубленным ею, – сказала тихо мать.

– Я не хочу говорить об этом. – Голос был непривычно твердый, и мать даже вздрогнула от неожиданности.

– Ну, хорошо, хорошо, – сказала она миролюбиво.

Он спрятал меч и, задрав голову, поглядел на часового на башне – тот безмятежно смотрел на дорогу.

– Послушай меня, Перкар. Вы носитесь повсюду в поисках Пираку, находите ее, крадете. Убиваете друг друга ради нее. А моя единственная Пираку – это ты, ты и твой брат. Ты это понимаешь? И если вы оба умрете раньше, чем я, я останусь ни с чем. Понимаешь, о чем я говорю? Береги себя. – Голос ее слегка дрожал. Перкар никогда не видел ее плачущей, ни

разу не видел ни одной слезинки.

– Вот смотри. – Она протянула ему что-то: маленький деревянный амулет. – Он из дуба, в честь которого ты назван. Дерево растет совсем рядом с местом, где я закопала твою сорочку. Сунь его куда-нибудь подальше, где твои спутники не заметят.

– Мама...

– Сынок... У всех будет что-нибудь вроде этого. И все спрячут это поглубже. Ни один сын не уезжает от матери без какого-нибудь материнского оберега.

– Мама, ты дала мне гораздо больше, чем этот амулет, – сказал он тихо.

– Я рада, что ты так думаешь.

– Капака пане! – во весь голос заорал часовой на башне. – Капака едет!

– Скорее, мама.

Она повернулась и почти бегом пошла к крыльцу, очень маленькая, хрупкая, как крошечная птичка. Теперь настал его черед справиться со слезами.

Все только и твердят: будь мужчиной, думал он. Но ведь каждый понимает это по-своему. У женщин, например, путаное представление о том, что значит быть мужчиной.

За воротами уже слышался стук копыт, который становился все отчетливее и громче.

Капака хотел, не теряя времени, отправиться в путь. При-

ехавшие гости не скупилась на похвалы, разглядывая лошадей. Перкар просиял от радости, когда Капака сказал несколько добрых слов о менге. Менг по крайней мере был его собственностью. Во время этих взаимных обменов любезностями Нгангата, полукровка, хранил молчание. Он сидел с отсутствующим видом на угольно-черной кобыле, уродливой, с толстыми ногами. У Перкара явилось подозрение, что лошадь, как и сам Нгангата, полудикая. Перкар был слишком возбужден, и поэтому внимание его долго не задержалось на этом грубом альве.

Утро сияло во всей красе, медовый свет струился над повесенному зелеными полями и холмами, и громко пели птицы. Коровы равнодушно смотрели на них, когда они проезжали через пастбища по дороге, уводящей их все дальше от отцовских владений. В самом начале путешествия он ненадолго загрустил при виде густой полосы деревьев, за которыми скрывалась Речка, богиня, которую он любил. Так и не перейдя ее, они продолжали двигаться на север. Они остановились у святилища на пастбище и оставили там сало – дар старому лесному духу. Перкару понравилось то, как Капака совершил обряд приношения – все движения его были точные и красивые. Перкара удивило, что такой большой человек не жалеет времени, чтобы выразить свое уважение союзу, когда-то заключенному его предками.

Спутники Перкара были все те же, которые приезжали к ним в дамакату вместе с Верховным вождем. Апад, темново-

лосый парень почти одного с ним возраста, оказался самым разговорчивым. Он ехал на расстоянии двух локтей от Перкара.

– Мы найдем такие же плодородные земли, как эти, дружище, – первое, что сказал он Перкару.

– Внуки наши, может, и найдут, – ответил Перкар. – Мой отец говорит, что потребуются многие годы тяжелого труда, чтобы создать такие прекрасные пастбища. Во времена моего деда, говорят, здесь в основном были обгорелые пни и сорняки.

– Именно так все и было, – весело откликнулся Апад. – Эта земля – как сношенные башмаки: носишь потому, что больше не во что обуться. Но мы сошьем свои собственные новые башмаки.

Перкару пришло в голову, что Апад, может быть, подтрунивает над своим именем, которое означает «башмак», но спросить об этом все же не решился. Люди часто склонны обижаться, когда речь заходит об их имени или прозвище.

– Работать я буду от зари до зари, – продолжал Апад. – С любым готов держать пари – ставлю на отличного вола, – что я до конца своих дней расчищу больше земли, чем кто-либо из вас.

Эрука, потрянув головой, отбросил назад соломенную гриву и через плечо поглядел на них.

– Апад заключает пари на вола, которого у него пока нет, – сказал он.

– Что ты! – Апад погрозил другу пальцем.

Эрука в ответ только ухмыльнулся.

– Эрука боится заключить со мной пари, – доверительно сообщил Перкару Апад, но так громко, чтобы все слышали.

Эрука пожал плечами.

– Расчистка земли – тяжелая работа, – сказал он. – Я буду доволен, если мне удастся расчистить хотя бы самую необходимую площадь.

– Или поручить это дело жене, – вставил Апад с каким-то нарочитым смешком, который должен был означать, что он добродушно шутит и вовсе не желает нанести смертельное оскорбление.

Капака, ехавший впереди с Нгангатой и Атти, уже немолодым человеком с густыми рыжими косами, покашляв, прочистил горло.

– Строить планы всегда хорошо, – произнес он. – Но только помните, что Владыка Леса может и не дать согласия.

– Конечно, я понимаю, конечно, – поспешил ответить Апад, подмигнув Перкару.

– А ты, Атти, готов заключить со мной пари?

Атти медленно повернулся в седле. У него была странная привычка обегать глазами все вокруг, никогда не останавливая взгляда на одном предмете.

– Довольно бессмысленное пари, – наконец промолвил он. – Если мы будем судить, сколько земли расчищено лишь в конце жизни, что за толк будет победителю от вола?

– Ну, хорошо, согласен, можно слегка изменить условия пари. К примеру, скажем так: у кого из нас будет больше всего пастбищ к пятидесяти годам.

Атти насмешливо фыркнул.

– Это дает тебе преимущество передо мной, на корчевание пней у тебя остается тридцать лет, а у меня всего десять. Но несмотря на это, я мог бы даже и выиграть. Куда тебе валить деревья такими нежными руками долинного жителя?

Апад даже присвистнул.

– Мы еще посмотрим, дремучий горец. Ты собираешься корчевать деревья, швыряя в них камни, как твои друзья альвы?

Перкар видел, как помрачнел Атти и сразу же отвернулся от них. Нгангата, однако, будто и не слышал ничего, зато Эрука метнул предупреждающий взгляд в сторону Апада.

Они тоже не любят альву, решил Перкар. Один только Атти с ним разговаривает. Эти его нелепые косы и странный выговор... Он с первой минуты невзлюбил Нгангату, как только почувствовал на себе нахальный взгляд его черных глаз и услышал его поганый язык. Тихий и вкрадчивый, но в то же время он не мог избавиться от какого-то ощущения вины, может быть, потому, что понимал, что отец и Капака не одобряют его. И все-таки Апад и Эрука давно знают этого альва, и если и они не любят его, это означает, что не так уж неправ он, Перкар.

И все же последнее замечание Апада прекратило спор –

очевидно, отпуская шутки, иногда надо соблюдать осторожность.

После недолгой паузы Капака сказал:

– Спой нам что-нибудь, Эрука, что-нибудь походное.

– Хм. – Эрука задумался, затем попробовал голос и запел.

У него был чистый красивый тенор. И последние ноты песенной фразы он заканчивал неистовым залихватным тремоло в старинном стиле, что требовало от певца большого искусства, но Эрука пел мастерски.

Горн и молот – все готово.
Стану я ковать подковы.
Как ковать коней я стану —
Нашепчу им заклинаний.
Вспрянет конь, горяч и бешен,
Вволю, вволю я потешусь!
Как в седло хозяин вспрыгнет —
Так огонь во чреслах вспыхнет,
И, мечтою мучась грешной,
Он помчит к подруге нежной.
Конь помчится через поле —
Вволю я потешусь, вволю!

Апад время от времени подпевал Эруке, повторяя слова «потешусь», «женщину», но певец он был никудышный, и его трели звучали скорее как детские крики или вопли раненого о помощи. Это делало песню еще более комичной, и

Перкар чувствовал, как впервые за несколько лет он улыбается свободно и непринужденно. Он был в дороге, на пути к миру, богатому Пираку, к миру непредсказуемых возможностей, о которых он никогда не смел и мечтать.

Весь остаток дня он проехал погруженный в свои грезы. Но как только они покинули отцовские земли и двинулись по местности, которой не касался топор, все ушло – и богиня, и мать, ушла грусть, и мысли его теперь были поглощены лишь лошадью и шумной болтовней спутников.

Солнце уже клонилось к западу – день незаметно пролетел. Леса стояли открытые, словно распахнутый пиршественный зал, где вместо громадных опорных столбов – деревья, а листва – вместо черепицы на кровле отчего дома. Ржавый пыльный солнечный свет просачивался вниз, собирался то тут, то там под деревьями, как будто его кто-то смел в маленькие кучки. Дневное птичье пение сменилось вечерними мелодиями, и маленькие черные лягушки, которые жили в палых листьях, уже завели свои причудливые гортанные песни.

– Мы должны двигаться быстрее, – объявил Капака. – Хорошо бы добраться до дамакуты Бангака еще до наступления ночи. Что ты на это скажешь, Перкар?

– Думаю, надо мчаться во весь опор.

– Вот это правильно, – с одобрением сказал Капака и пустил рысью своего пегого коня. Остальные последовали его примеру.

Вскоре они выехали из леса на холмистые пастбища. Несколько возмущенных коров бросились врассыпную, когда они перешли на галоп. Теперь им открылось небо, голубен с багровыми облаками на стальном сером фоне. Облака набухали влагой, и вдруг на горизонте вспыхнула малиновая молния, горящее сердце какого-то гигантского призрака. В небе и в полях было столько простора, а их голоса и стук копыт оставались вокруг них в тесном замкнутом пространстве, будто боялись выйти из него в надвигающуюся ночь. Они неслись во весь опор, и Перкар ощущал себя частью менга, частью этого четвероногого зверя. Он слышал, что племена менгов верили в то, что лошадь и всадник, умершие вместе, продолжают жить как единое существо, получеловек, полуконь. Ему это казалось удивительной сказкой.

Сейчас облака были серые, а небо черное, и звезды, уже не спрятанные за горами, спокойно сияли. Появилась луна, сонная, с полуприкрытыми веками, красная, как горящее божественное око.

Совсем стемнело, когда они, наконец, увидели сторожевые огни дамакуты, и люди вышли им навстречу.

Перкар довольно хорошо знал Бангака и его сыновей. Более того, одна из невест, которых предлагали Перкару, была племянницей Бангака и жила в его дамакуте. Перкар решил по возможности избегать встреч с ней. Сам Бангака встретил их у ворот. Он был старый человек, спина у него слегка согнулась и волосы стали белыми и тонкими, словно пух чер-

тополоха. Как часто бывает у стариков, у него был мутный блуждающий взгляд, и это смущало Перкара. У Бангака было восемь сыновей, но только младший пока еще жил с ним.

Никакого особого пиршества в честь их приезда не было – час был поздний, и Бангака не ждал гостей.

Вождь удалился с хозяином поговорить о Пугану и разных разностях, тогда как остальным были предложены амбар для ночлега и подогретые фляги с воти у горящего очага.

– Сойдет, – снисходительно заметил Апад. – Это, конечно, далеко от гостеприимства твоего отца, Перкар, но, в общем, сойдет. – Он задумчиво поглядел на стайку молоденьких служанок, которые украдкой наблюдали за ними из-за хозяйственной постройки во дворе и пересмеивались.

– Садись, Перкар, – предложил он. – Налей себе воти.

Перкар колебался.

– Прежде мне надо поскрести менга и Катасапала, а потом я с удовольствием присоединюсь к вам.

– Пусть о лошадях позаботятся альвы, – сказал Апад.

– Альвы?

– Мы вычистим лошадей, – ответил коротко Нгангата.

– Вы, по-моему, не слуги. Я сам могу почистить своих лошадей.

Атти подошел и встал рядом с Нгангатой. Его ржаво-рыжие косы ярко горели в отблеске огня. Лицо Нгангаты было устрашающим – темные глубокие провалы глаз, две бездонные пещеры, широкий растянутый рот сейчас не выглядел

забавным, он тайл скрытую угрозу.

– Позволь им это сделать, – раздался голос Эруки, сидевшего по другую сторону очага – Они это очень любят.

Перкар попытался встретиться взглядом с Нгангатой, но взгляда не было, одна лишь черная бездна. В конце концов он пожал плечами и присел у огня.

Воти развязало язык Эруки.

– Мой клан – Кар Кушита – ничего не стоит, – сказал он. – Дед потерял половину нашей земли на пари, и все это в разгар вражды с Кар Накиру. Мы из тех, кто вечно проигрывает. Отцу трудно было подобрать нам хороших невест, раз не было ни земли, ни дочерей.

– Ни одной дочери?

Эрука покачал головой.

– Говорят, мать была проклята богиней Яблоневого Сада за что-то, что она совершила, будучи еще совсем молодой. Она никогда не рожала дочерей.

Перкар хорошо понимал, о чем говорит Эрука. Сыновья могли получить землю только как приданое, через жен. И отец охотнее отдавал дочь с приданым в клан, который сделал то же самое для одного из его сыновей. Тот, у кого мало земли и нет дочерей, вряд ли мог надеяться удачно женить сыновей.

– Поэтому я и стал певцом, – невесело закончил свой рассказ Эрука. – Тут есть какая-то надежда на Пираку, но очень небольшая.

Апад хлопнул Эруку по спине.

– Не горюй, – утешил он друга, с трудом ворочая языком. – Это скоро изменится.

Если Эрука, когда пил, становился все более словоохотливым, Апад, наоборот, почти онемел от хмельного воти. И пока Перкар сидел с ними, он, незаметно для себя, осушил вторую чашу. Он старался соблюдать осторожность, поскольку накануне вечером они с отцом отчаянно напились.

Эрука кивнул в ответ.

– Если пожелает Владыка Леса, – пробормотал он.

Апад помрачнел.

– А что, если не пожелает? – спросил он очень тихо. – Перкар, что, если он не пожелает?

Перкар пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он.

Апад снова припал к чаше и затем уставился на пляшущие языки пламени, может быть, надеясь отыскать там маленькую богиню Дикого Огня.

Перкар спросил Эруку:

– Ты помнишь песнь о Безумном боге? О том, как Горный бог сошел с вершин и сожрал людей?

Эрука прочистил горло.

Я спустился с гор высоких,

Я пришел через отроги.

Шел в деревни через горы —

К дамакутам, людям гордым.

Я пришел к селеньям дымным,
Я бродил и думал думу,
Шел и думал – а вкусна ли
Кровь горячая, людская?..
Смертной крови я напился —
Голод мой не утолился.

Эрука все пел и пел, только очень тихо, будто боялся, что кто-то может услышать. Он пел о герое Рутке, который облачился в медвежью шкуру, выдал себя за брата Безумного бога и узнал, чем его можно извести.

Далеко, в Лесном Чертоге,
Есть топор Лесного Бога.
Богом-кузнецом он кован,
Смерть богам нести готов он.

Рутка нашел топор после многих приключений и разделался с кровавым Безумным богом.

Когда песня закончилась, Апад сидел и качался. Перкар испугался, что он упадет в огонь. Он подумал, что слишком долго нет Атти и Нгангаты.

– Теперь, видишь, Перкар, их можно убить. Какое право имеет Владыка Леса указывать тебе или мне, чем мы должны или не должны владеть, мы, ируты, истинные люди, не то, что какие-то там альвы или мелкие божества. Мы, такие как Рутка. Сильные, и если бог не даст нам то, что мы хотим

получить, мы все равно это возьмем. Нет разве, Перкар? Ты хороший парень, скажи, что я неправ? Ты захоти то, что хотим мы. Мы скоро станем героями, ты, Эрука и я. У нас будет все, что может пожелать вождь, даже если ему не нравится то, как мы собираемся добиться своей цели.

– А что будет с Атти и Нгангатой? – спросил Перкар.

Голова его слегка кружилась. Песня оставила ощущение гордости тем, что сам он истинный человек. Должно быть, он выпил все же больше, чем ему казалось, пока слушал Эруку.

– Герои совершают подвиги только втроем или всемером. Никогда впятером, – прорычал Апад. Он потянулся к своей чаше с воти, но, задев рукой, перевернул ее. В темноте захихикали – значит, девушки все еще подсматривали за ними. – Ха! Поглядим, что там такое. – Апад поднялся и, шатаясь, исчез в ночном мраке. Посмеиваясь, Эрука последовал за ним.

Перкар смотрел, как оба скрылись в темноте. Восторженное настроение понемногу стихло, но все же в песне Эруки что-то было, что-то важное...

Почему она ударила его по щеке? Почему назвала мальчишкой? Богов можно убить. И если Безумный бог мог умереть, значит, и Бог-Река тоже смертный. Конечно же, это так и есть, люди об этом знали. В доме Владыки Леса, несомненно, хранятся какие-то вещи, с помощью которых можно убивать богов.

Небо постепенно очистилось, и Перкар подумал, что зав-

тра будет хороший день. Не без усилия он встал на ноги и двинулся по пустырю. Проходя мимо сторожевой башни, он помахал рукой стражнику и прошел за ворота.

– Поздновато, – сказал часовой. – Я скоро закрою ворота.
– Не хочу пачкать хозяйский двор, – объяснил Перкар.

Темная фигура стражника, маячившая на башне, как показалось Перкару, кивнула. Он спустился с холма и облегчился на сырой от ночной росы траве. Потом он еще немного прошел вперед к вытянутой в ряд полосе ив, где, он полагал, должна была быть речка.

– Куда же ты течешь, бог или богиня? – спросил он шепотом, но речка – или правильнее было бы сказать, ручей – ничего не ответила. Подумав, Перкар решил, что он знает. Они сейчас были в долине, соседней с их долиной. И этот ручей рано или поздно должен был попасть на отцовское пастбище. Голова у Перкара шла кругом, тепло от выпитого воти поднималось вверх от живота. Как послать ей весточку, чтобы она узнала, что он здесь? Узнала о том, что он задумал. И какое жертвоприношение он ей готовит.

Он догадался, как лучше всего поступить. Вытащив маленький ножик, которым он обычно пользовался, когда вырезал шнурки из кожи, он сделал надрез сверху на руке. Надрез получился глубже, чем он хотел – виновато все то же воти! – но это его не очень огорчило, так как рана была сверху. Он промыл ее в ручье, пустив в него свою кровь. Она чувствует кровь, и она узнает, что он здесь.

Со стороны ворот раздался свист. Еще несколько капель крови скатились в воду. Перкару вдруг стало легко на душе, его охватило какое-то странное радостное чувство. Он быстро дошел до амбара и крепко уснул.

ИНТЕРЛЮДИЯ

ДЖИК

Надраенная до блеска половица палубы скрипнула под ногой Гхэ. Он замерз, пока стоял, прислушиваясь, не раздастся ли где-нибудь звук, но потом успокаивающий скрип половицы аккуратно влился в сотню других деревянных вздохов мягко покачивающейся на волнах баржи, в пение лягушек и ночных птиц в Желтоволосой Трясине, чуть ниже по течению.

Лицо с острыми чертами, скрытое тенью, все перекопилось от сардонической ухмылки над своей же собственной нервозностью. Большим пальцем он потер едва заметный шрам на подбородке и прошептал:

– Я серебряное лезвие; я ледяной серп.

Затем он двинулся дальше и незаметно проскользнул мимо стражника, клюющего носом на посту, может быть, за гипнотизированного далекими огнями города или еще более далеким светом звезд. Окутанный самой черной густой тенью, Гхэ прошел беспрепятственно, как дым, сквозь арку, украшенную листьями из чистого золота, в просторную каюту. Неслышно ступая по дороговому ковру, вытканному в далеком экзотическом Лхе, он направился к огромной кровати с простынями тончайшего полотна.

Гхэ не имел ни малейшего представления, почему именно

ему было велено убить спящего в этой постели человека. Его никогда не посвящали в подробности. Ему полагалось знать только, кого надо убить и где найти жертву. Для чего это делается – таким вопросом он даже не задавался. Это его не касалось. Ребенком он убивал за несколько медных грошей. И теперь его умение пригодилось жрецам и самой Реке.

Он вдруг увидел, что постель пуста, и мурашки забегали у него по спине. Огни на барже были потушены. Он следил с лодки, на которой его привезли, как они постепенно гасли. Пустая кровать означает, что жертва его что-то заподозрила и сейчас прячется в темноте и ждет, когда за ней придет смерть. И вдруг неожиданный сюрприз. Гхэ быстро повернулся на цыпочках и сразу же нагнулся, обшаривая глазами каюту. Мгновение спустя он вздохнул с облегчением. Он явно переоценил этого торговца, этого Дьюну, впрочем, как и сам Дьюна переоценил себя. Все было в порядке, Дьюна мирно спал в кресле, и силуэт его вырисовывался на фоне залитого огнями города.

Однако чувство облегчения было недолгим – оно ушло так же быстро, как и пришло: возле тени спящего маячила еще одна тень.

– Ага, – прошептал Мрак, – хваленый джик, насколько я понимаю.

Гхэ не ответил. Если не повезет и он погибнет, не должно быть никаких доказательств, что он действительно джик. На нем нет эмблемы, нет ничего, что бы свидетельствовало о его

связи с жрецами. В отличие от членов других сект, джик не был кастрирован, и потому эта улика тоже отпадала. Выдать его могли только слова, его сверхосведомленность. Гхэ знал много, но далеко не все.

На клинке, торчащем из промасленных ножен, заиграл, будто серебристый угорь, лунный свет.

– Джик, – снова заговорила тень. – Я Син Турук, уроженец древнего города Колем. Ты слышал когда-нибудь про Колем?

Гхэ по-прежнему молчал, но тень не унималась:

– Колем славится разнообразием экспорта: масло дерева какла, текстиль... и конечно же воины. Обучение воина начинается с момента, когда он может удержать в руках меч. Воинов там очень ценят.

Сверкнули белые зубы на темном лице. Со свистом взметнулся в воздух меч.

– Мой хозяин пьяный дурак, – сказал Син Турук. – Но он хозяин, ничего не поделаешь. – Он прыгнул, как пантера, и мягко опустился на кончики пальцев на расстоянии вытянутой руки от Гхэ. Гхэ выбросил вперед руку с мечом, целясь в самое сердце, но противник отскочил в сторону, и меч даже не задел его. Гхэ сразу же понял свою ошибку – Син только и ждал, что он сделает этот неверный выпад. Теперь уже не было времени нанести второй удар мечом. Он кинулся плашмя на землю, и меч Сина просвистел у него над головой. Затем он ловко ударил Сина ногой по лодыжкам, и тот упал. Все оказалось удивительно просто, но у Гхэ не было уверенно-

сти, что Син не рассчитал заранее и этот прием и, перенеся центр тяжести, обезопасил себя при падении. Эта догадка спасла Гхэ жизнь, так как Син, вместо того чтобы бесполезно барахтаться на полу, навалился всем телом на Гхэ, хлестая его лунным серпом со сверкающими краями, который он держал в руке. Гхэ выронил меч и, лежа под обрушившимся на него градом, ухитрился высвободить сильные руки и ударить врага по шейным позвонкам. Издав хриплый звук, Син еще раз стеганул его серпом и затих. Он, скорее всего, был мертв или по крайней мере ранен, и Гхэ успел змеиным движением выхватить кинжал и всадить прямо в сердце Турука, пошевелить внутри и вытащить. Син умер молча, не уронив достоинства великого воина.

– Ледяной серп, – шепнул Гхэ умирающему, когда испуг в глазах его сменила пустота, – зато ты отлично сражался.

Болван, спящий на палубе, не слышал ни звука из того, что произошло. Гхэ вздохнул и всадил нож в три ключевые артерии – в сердце, основание черепа и в висок. Он сохранил жизнь остальным стражам для того, чтобы они устыдились и поняли, какая великая битва гигантов завершилась у них под носом, а они так ничего и не заметили.

По пути обратно на берег он воздал честь Син Туруку, пролив в Реку несколько капель крови. Обмакнув палец в крови, он поднес его к подбородку, где был шрам от первой раны, полученной им в бою. Но для жертвы, ради которой все было затеяно, испустившей перед смертью лишь вздох,

пропахший дорогим вином, Гхэ не сделал ничего.

VII

ДУХИ И ЖЕЛАНИЯ

– Ты погубила книгу, которой пять сотен лет, – сказал Ган, но сказал на этот раз спокойно, без злобы.

– Она была погублена до меня.

Ган вздохнул.

– Нет, она была повреждена, но ее можно было восстановить, теперь же она окончательно загублена.

Хизи подняла глаза от работы, которую делала – наклеивала фрагменты таблички Второй Династии на новый лист, – и встретила с жестким взглядом старика.

– Ты не думаешь о том, что ты делаешь, в этом вся беда. Мысли в твоей дурацкой головенке заняты всякой ерундой.

Ничего, придет и мой час, думала Хизи, делая усилия, чтобы ее не выдал ни один мускул на лице. Настанет день, когда я буду взрослая, знатная дама, и ты исчезнешь в одну прекрасную ночь, Ган. Я велю Тзэму схватить тебя и запихнуть в водосточную трубу.

– Вот-вот, об этом я и говорю, – взъелся Ган. – Глаза мечтательные и глупые. – Он мгновенно оказался у ее стола. – Сюда смотри. Вот здесь то, что ты делаешь. – Он жестом указал на табличку. – Вот это. Собери в кучку пальцы и мозги в кои веки.

– Я этим занимаюсь уже в двадцатый раз, – едва слышно

сказала Хизи. – Нельзя мне делать что-нибудь более интересное?

– Например?

– Не знаю. Ты упоминал о каком-то индексировании.

– Ты этого делать не можешь. Ты еще не умеешь читать как следует.

– Мне надоело делать то, что я делаю.

– Однако ты должна стараться делать это хорошо. Почему я обязан тратить свои силы на то, чтобы научить тебя чему-то новому, когда ты еще не доказала, что можешь как следует справиться с простейшим заданием. Прежде чем учить тебя индексировать, я должен научить тебя читать, а я не намерен тратить впустую огромное количество времени, которое для этого потребуется.

– Но я ведь уже могу немного читать, – начала было Хизи, но остановилась, подумав о том, что, может быть, стоит и потерпеть, если она научится читать, – будет хоть какая-то выгода от этой тяжелой кабалы.

– А теперь помолчи, – рявкнул Ган. – Когда ты сможешь склеить две простые страницы без уродливых налезавших один на другой швов, тогда и поговорим о том, чтобы заняться чем-то другим. Или... – На лице его мелькнуло какое-то хитрое выражение, и он задумался на мгновение, очевидно, что-то просчитывая и выгадывая. Потом он неожиданно налег на стол, низко наклонившись, так, что глаза его теперь были совсем близко от глаз Хизи. – Или же ты уйдешь пря-

мо сегодня. И можешь не возвращаться. Толку от твоей работы я не вижу, а долг свой ты так и не выплатила. Пока ты здесь, каждый день жду нового ущерба. Официально я сообщу, что соглашение выполнено и претензий нет. Завтра не приходи. Ни завтра, ни в какой другой день. – Губы слегка раздвинулись в улыбке, он выпрямился и отошел, ни разу не оглянувшись. Когда вечером она, наконец, разогнула спину, отложила пасту и направилась к выходу, он даже не повернул головы. И она молча ушла.

Квэй встретила ее в дверях, и Хизи сразу поняла, что она чем-то сильно взволнована: пальцы ее нервно плясали, будто бабочки, когда они садятся на руки.

– Я устала, – сказала Хизи.

У нее не было ни времени, ни желания выслушивать робкие увещевания Квэй.

– Это все сейчас не имеет значения, – ответила Квэй. – Твой отец прислал за тобой.

– Отец? Не представляю, для чего я ему нужна.

Квэй отчаянно затрясла головой.

– Ты должна явиться ко двору сегодня вечером, – сказала она.

Хизи нахмурилась.

– Это что, обязательно? Пошли отцу мои сожаления.

– Нет, Хизи, на этот раз невозможно. – Квэй глубоко вздохнула, все еще продолжая трясти головой. Она смотрела мимо Хизи, скорее всего на Тзэма.

Заподозрив что-то, Хизи обернулась. Тзэм старательно делал бесстрастное лицо, но Хизи увидела, что мышцы на шее натянулись и он скрежетал зубами.

– На этот раз, малышка, тебе придется пойти, гонец, которого прислал твой отец, был очень настойчив.

Она молча обдумывала неожиданную новость. Почти год под тем или иным предлогом ей удавалось уклониться от посещения двора, но может быть... может быть... если она пойдет во дворец, ей повезет и она поговорит с отцом или с матерью. Убедит их забрать ее из-под власти Гана. Одна мысль об этом злобном старике приводила ее в бешенство. После того как Ган показал ей официальную бумагу, она два дня вообще не появлялась в библиотеке. Четверо в форме дворцовой стражи пришли за ней и заставили вернуться в библиотеку к Гану. Хизи тогда пришлось сдерживать Тзэма – она видела, какой опасный огонь горел в его обычно добрых глазах. Никто из стражников так никогда и не узнал, что только благодаря Хизи уцелели их шейные позвонки и не были раздроблены кости. Но если бы она позволила Тзэму вступить за нее, его бы потом искалечили или убили. Для нее это было бы невыносимо.

Она надеялась, что, может быть, теперь отец склонит свой слух хотя бы на мгновение и выслушает ее, если, конечно, он узнает ее. Она не разговаривала с ним больше года.

– Какие цвета нынче носят при дворе? – спросила она.

Квэй вздохнула с облегчением и улыбнулась счастливой

улыбкой.

– Тебе прислали платье, – сказала она.

– Они возродили стиль столетней давности, – недовольно ворчала Хизи, пока Квэй помогала ей втиснуться в чудовищное платье. Вниз от жесткого воротника по всей спине шел пластинчатый хребет из хряща речной акулы. Каркас платья на середине таза отходил от ее собственного позвоночника – он выгибался назад, поддерживая жесткий, но, к счастью, достаточно короткий шлейф, напоминающий хвост речного рака. Этот «позвоночник» нужно было каким-то образом удерживать на месте, потому что надо было скрыть тугие ремни под грудью и посередине живота. Платье было желтовато-зеленое с золотым отливом, все усеянное блестками малинового перламутра.

– Интересно, сто лет назад это тоже считалось таким же уродливым? – спросила Квэй и хихикнула, как в далекие времена молодости, когда она еще не была такой серьезной. Неожиданно повеселевшая Хизи демонстрировала платье Квэй – она ходила медленно и совсем особой походкой, издевательски копируя придворных дам. Квэй смотрела на нее глазами, полными изумления.

– Еще немного, и ты станешь совсем взрослой женщиной, – сказала она. – Как это ты так вдруг успела?

За этими словами, сказанными с явной гордостью, Хизи уловила нотки скрытой печали и беспокойства.

Когда платье, наконец, было надето, Квэй, согласно требованиям последней придворной моды, наложила густые темно-красные тени вокруг глаз Хизи и нарисовала прямую тонкую линию на лбу до переносицы.

Хизи с удивлением разглядывала себя в зеркале – перед ней стояла настоящая принцесса, а вовсе не рабыня старого плешивого хранителя библиотеки и уж совсем не та маленькая девчонка, в грязи с головы до ног, барахтающаяся в воде затопленных и заброшенных дворцовых залов и переходов. Сейчас она ничем не отличалась от других придворных дам. От своей сестры, которую она видела всего лишь раз. Принцесса. Она так обычно себя называла, не очень понимая, что это значит.

Квэй по-прежнему не сводила с нее глаз.

– У тебя теперь появятся ухажеры, даже независимо от твоего желания, – заметила она. Хизи в ответ мрачно кивнула – ей вдруг захотелось, чтобы у нее было морщинистое широкое лицо и грубые руки и ноги, как у Квэй, но это все равно не спасет ее от ухажеров: она ведь королевская дочь. У нее было какое-то двойственное отношение к своей внешности, скорее она не одобряла ее, а в ушах все еще стоял издевательский голос Гана, изгоняющий ее из библиотеки, как какую-нибудь смазливую дворцовую тварь.

Но какое ей дело до того, кто что думает? Она вздохнула и вышла вслед за Квэй во двор, где их ждал Тзэм. На нем была короткая юбка из черной хлопчатобумажной ткани, блед-

но-зеленая рубашка и парчовый жилет без пуговиц. Волосы были напояжены и заплетены в косы, косы собраны на макушке и втиснуты под маленькую плоскую фетровую шляпу. Он изо всех сил старался сохранить достойный и непринужденный вид.

– Ты выглядишь просто потрясающе, Тэм, – воскликнула Хизи. – Какой жилет! Теперь меня, наверное, никто и не заметит рядом с тобой.

Тэм фыркнул.

– Ну как, пойдём, принцесса?

– Мне так не хочется.

– Мне тоже, – с горечью отозвался Тэм.

Комната, полная гостей, казалось, уменьшилась в размерах, но все же Длинный зал, как всегда, выглядел внушительно. Хизи почти год не видела такое скопление народа, но зал тем не менее оставался просторным, как небеса. Его сводчатый потолок изображал небо – густо-лазоревого по краю и постепенно ближе к меридиану бледнеющее. Огромные контрфорсы казались столбами, на которых покоятся небеса. Хизи даже заметила птичку там наверху. Голубь? А может быть, ласточка? Размером с комара, она затерялась в огромном пространстве.

А какой стоял шум! Где-то отбивали дробь барабаны, но это был сущий пустяк по сравнению с людскими голосами, галдящими, смеющимися. Они ревели в чувствительных ушах Хизи, привыкших к тишайшим уголкам дворца. Шум

ударил в голову, как только она подошла к королевскому входу. Когда громко объявили: принцесса Хизи Йид Шадун, имя ее поглотил многоголосый гомон, и оно исчезло.

Когда вошел ее отец, голоса смолкли. У нее было ощущение, будто сотни дверей разом захлопнулись между ней и галдящей толпой. Один или два голоса еще продолжали звучать, но вскоре и они затихли.

Шакунг, правитель Нола, был фигурой внушительной. Хизи всегда считала, что у нее мало сходства с отцом, невероятно высокого роста, он при этом не был ни худым, ни долговязым. Тонкое с острыми скулами лицо, широкие плечи, исключаящие всякий намек на женственность. Он источал властную силу, которая окружала его; она не имела ничего общего с притягательной силой, внушаемой ослепительным богатством его шафранно-желтого королевского облачения и тюрбана с золотым венцом, надетым поверх него. Она, эта сила, была подобна дрожащим контурам призрака или горению воздуха над раскаленной черепичной крышей летом. Один взгляд на него вызывал покалывание в загривке. Маг, король, Дитя Реки – это почувствовал бы любой, взглянув на него, даже если бы он был без королевского облачения. Когда объявили о его появлении, все упали на колени, а те, кто находился недалеко от центрального фонтана, пробрались к нему и омочили лбы.

У Хизи упало сердце. Она никогда не посмеет приблизиться к нему, даже если он ее отец. Она все время чувство-

вала какое-то недомогание – непривычная странная тяжесть сдавила ей живот. Боль появилась утром и не проходила весь день. Сначала это была затаившаяся ноющая боль, а теперь она разыгралась вовсю. Хизи не понимала, что с ней происходит.

Удивленный шепот прокатился по толпе. Шакунг не остановился у помоста, на котором обычно сидел, а спустился по ступеням во двор. Толпа рассыпалась в стороны, уступив ему путь, как разлетаются голуби из-под ног пешехода. Два его телохранителя, неуклюжие чистокровные великаны, тяжело ступая, шли с обеих сторон от него. Обшаривая хмурым взглядом все вокруг, они ни на мгновение не теряли бдительности на случай, если хозяину будет грозить опасность. Они были одеты, как Тзэн, но выглядели гораздо комичнее. Кроме того, в их облике было меньше человеческого. У них были длинные волосы и жестокие плоские лица без подбородка.

Двор опустел раньше, чем король подошел к фонтану; Хизи во все глаза смотрела на него, своего отца, и видела, как на его лице вдруг появились какие-то глубокие эмоции, когда он приблизился к воде.

«Это все Королевская Кровь, и мне-то уж надо это понимать», – напомнила она самой себе.

Он коснулся кончиками пальцев падающей каскадом воды и затем отступил назад с закрытыми глазами. Фонтан самого простого устройства – струя, поднимающаяся в воз-

дух на высоту тридцать футов и потом с ревом низвергающаяся в широкий алебастровый бассейн. Сейчас вода начала мерцать. Хизи, не отрываясь, смотрела на отца, и на ее глазах вся его фигура вдруг оказалась смазанной, будто каким-то образом вибрировала, как перебираемые струны спира. Мерцание усилилось, а затем неожиданно столб воды поднялся к сводчатой крыше зала. Он расцветал, как огромная водяная пальма, вода переливалась всеми цветами радуги. Темные фигурки судорожно бились в воде. Хизи поняла, что это рыбы. Их унесла вверх водяная струя. Почти под самым потолком вода неожиданно перестала падать вниз в бассейн и превратилась в лужу, которая теперь парила в воздухе. Лужа быстро растекалась, подернулась рябью, заблестела, пока не закрыла купол потолка. А потом произошло нечто удивительное, и это чудо тоже было связано с водой, но оно не зависело от свойств воды. Это было что-то совсем иное. Некий водяной дух, все время мерцающий, чувствующий глубину, вдруг возник во дворе. Толпа разом ахнула – у всех появилось ощущение, что они находятся под водой. Темные существа все еще плавали, но теперь каждое из них окружал ореол – черные фигурки в драгоценном сверкающем обрамлении, желтовато-зеленые, белые, аквамаариновые, дымчато-серые. Они спустились вниз с потолка и теперь свободно плавали среди придворных. Хизи видела, как одно из этих существ проплыло сквозь стоявшую рядом с ней женщину. Хизи чувствовала, как холодной волной накати-

лась боль внизу живота, и бросилась к выходу, но уйти она не могла – ее заморозили эти творения Реки. Они были удивительны, эти создания, – какие-то причудливые рыбы длиной с человека, словно воины, закованные в латы, некоторые из них были похожи на насекомых и раков, Хизи совершенно неведомых, но на самом деле они как тени таились в Реке, духи существ, которые когда-то жили в ее водах много лет назад. А теперь они плавали и делали пируэты по прихоти ее отца.

– Принцесса! – Тзэм дернул ее за платье. Три таких существа «плавали» около ее ног, постепенно поднимаясь все выше. Сначала это были рыбы, некие подобия скорпиона, приспособленного к плаванию в воде, и чудище, напоминающее спрута. К этим трем вскоре присоединились еще четверо, и все, как облачка, клубились вокруг Хизи. Она слышала, как вскрикнули стоявшие к ней близко люди, и слышала несколько раз произнесенное шепотом: «Королевская Кровь!»

Вскоре, однако, все эти плавающие существа окружили ее плотным кольцом, и она совсем уже ничего не видела. Но она почему-то не испугалась. Напротив, она внезапно почувствовала странный радостный подъем – тошнота прошла и в животе разлилось приятное тепло, которое согревало ее и придавало силы. Она тихонько рассмеялась и, протянув обе руки, потрогала бестелесных рыб. Они присосались к ней, будто тянули из нее какие-то соки, но она при этом ничего

не ощущала.

Потом, оставив ее, они ринулись вверх, обратно в лужу под потолком, которая начала вдруг быстро уменьшаться. В тишине зала, изредка нарушаемой испуганным шепотом, неожиданно с ревом обрушились потоки воды, устремившейся вниз – в фонтан. Речные призраки утратили сверкающие нимбы и превратились в тени, или даже в нечто еще более эфемерное. Двор стал обычным, таким, как был прежде, до того, как в него спустился ее отец, с той, может быть, разницей, что теперь со всех сторон раздавались крики: «Шакунг! Шакунг!»

К тому времени когда отец уже успел дойти до помоста, тепло ушло у нее из желудка и снова появилась боль. Хизи заметила, что во время этого необычного представления на помост откуда-то из внутренних покоев вышли ее мать, сестра и брат и уселись на скамьи. Вскоре к ним присоединился отец. Повернувшись лицом к залу, он громко хлопнул в ладоши, освободившееся пространство в середине двора снова заполнилось, на этот раз мальчиками-подростками в облачении жреческих послушников. Они тут же стали оттеснять людей назад, Хизи с неослабевающим интересом наблюдала за происходящим. Отец продемонстрировал свое родство с Рекой, показал всем, что он может с ней разговаривать, подчинить своим желаниям или, что вероятнее, просить о милости. А что будет сейчас?

Снова застучали барабаны, медленно, энергично отбивая

ритм, четкий, как сердцебиение. А затем выбежали танцоры.

Они все казались очень хрупкими, и юноши и девушки, но как только они закружились в такт барабанной дроби, в них откуда-то появилась сила такая же, как у барабанов, и они словно налились живительными соками. Этот номер Хизи видела и раньше – это было традиционное дворцовое представление. Зрелище было захватывающе красивым, и она с удовольствием смотрела на гладкие блестящие мышцы танцоров в костюмах из шелка и перьев. Люди вокруг нее стали садиться на корточки или же прямо на пол, поджав ноги. Тээм развернул для Хизи маленький матрасик, и она тоже села, так и не поняв, где он его держал до сих пор. Сюжет танца был очень древний, она его хорошо знала. Это была история первого Шакунга, человека, рожденного водой. Теперь танцовщица изображала его мать Го – вот она купается в Реке, а вот уже носит под сердцем ребенка. Другие танцоры изображали людей, которых утаскивают страшные монстры, когда-то жившие в долине Реки. Монстры таились под каждым камнем, прятались на всех деревьях. Они тиранили и мучили народ. И они захватили в плен дочь вождя племени и всячески издевались над ней.

Хизи с особым вниманием следила за танцовщицей, которая исполняла партию дочери. Она была как хрупкая былиночка и по возрасту не старше Хизи. Бедная девочка, вдали от родных, окруженная монстрами.

И вот приходит Шакунг, сын Реки, веселый и сильный. Он

одет в радужные одежды, на нем доспехи из раковин и рыбных костей, а пластины доспехов – из панциря речных крабов. Оружие его – смекалка и вода, а мечи и копья выкованы Рекой. Сперва он перехитрил нескольких монстров, одного за другим. Главного из них, Черноголового Людоеда, он убедил в том, что можно обрести огромную силу, если три раза в день окунается в воды Реки. Людоед последовал его совету и утонул.

Однако довольно скоро Шакунгу надоело играть в игры со своими врагами. Поэтому он отправился к монстрам, которые держали в плену дочь вождя, и убил их всех, а потом, превратив в камни и акул, стер их в песок. Он увез с собой девушку, которую освободил из плена, и просил ее стать его королевой.

«А кто увезет меня?» – подумала Хизи. Она никогда прежде не задавала себе такого вопроса. «А как было бы хорошо, если герой вроде Шакунга пришел и освободил меня от всех бед и волнений. Может быть, там, где сейчас Дьен, он станет героем, вернется и спасет ее».

Как только закончилось представление, все, кто находился в зале, вереницей двинулись к фонтану и, дойдя до него, ладонями черпали воду и пили, произнося про себя молитву с просьбой позаботиться о благоденствии города, Короля, а также и об их собственном благе. Хизи тоже послушно встала за чью-то спину. Когда подошел ее черед, перед ее мысленным взором все еще проносился танцор, изображавший

удалого Шакунга, веселого и сильного. Пока она пила, она молча молилась: «Пошли мне героя. Пошли мне героя». После первых глотков воды она вдруг почувствовала слабость во всем теле – у нее было смутное ощущение, что она совершает предательство. Но в тот момент ею владела одна лишь мысль, и она, глотая воду, продолжала молить: «Пошли мне героя».

Она еще не кончила пить, как вода, дойдя до самого болезненного места в животе, взорвалась, как сосновая шишка, брошенная в костер. Она вскрикнула и упала, но ее успели подхватить заботливые руки Тзэма, а иначе она размозжила бы голову о твердый мраморный пол. Огненная вода бурлила внутри, проникала в вены. Ей казалось, что все тело стало рыхлым, как тесто. Она его почти перестала ощущать. Реальным и ощутимым был только огонь, ее пылающее нутро.

Сотни раз она пила священную воду, которая просто утоляла жажду, но сейчас ей казалось, что она умирает. Сознание, однако, вернулось к ней довольно скоро. Никто, кроме Тзэма, не обратил на нее внимания. Тзэм поднял ее, отнес и положил на скамью у стены. Две женщины, сидевшие на ней, вскочили как ошпаренные, встретив взгляд Тзэма.

Может быть, Тзэм и есть мой герой, подумала она. Но нет, Тзэм, как и она, окружен со всех сторон монстрами. Он, вероятно, один из посланцев вождя, который потерпел неудачу. Но как бы то ни было, Тзэм – большое утешение.

Он положил ее на скамью, и через несколько минут огонь

внутри затрепыхал, потом появился зуд и боль исчезла. Но что-то при этом в ней изменилось.

– Я должен отвести тебя домой, принцесса, – сказал Тзэм.

Хизи замотала головой:

– Нет, мне лучше. Это все вода... Мне правда лучше. Я хочу подождать до конца.

– Твоя воля, принцесса. – И все же он довольно долго не разрешал ей встать со скамейки. Когда, наконец, она поднялась, пошатываясь, лицо Тзэма оставалось озабоченным.

– Все в порядке, Тзэм, – заверила она его, хотя ноги сделались ватными и плохо слушались. Подобрав платье, она села обратно на скамью, а шлейф, перекинутый через спинку скамейки, свисал до пола.

Торжественная часть праздника закончилась, и теперь по залу то и дело пробегали слуги с подносами, где на тарелках лежали жареные пирожки с рыбой, яблоки, запеченные в тесте, и какие-то диковинные угощения, каких Хизи никогда не видела. Есть ей совсем не хотелось. Она все же взяла маленькую чашу вина, когда к ней подошел слуга с подносом, и после первого глотка почувствовала себя лучше.

Не успела она снова пригубить чашу, как за ее спиной кто-то робко кашлянул.

– Принцесса, ты позволишь?

Это был мальчик, Вез Йехд Ну. На нем был такой же дурацкий наряд, как на всех остальных, – длинный шелковый балахон, зеленые панталоны и рубашка, край которой напо-

минал нагрудник кирасы.

Хизи кивком головы нехотя пригласила его сесть рядом с ней на скамью. Тзэм деликатно отошел подальше.

– Ты, кажется, не очень хорошо себя чувствуешь, – сказал Вез. – И я подумал, не могу ли я тебе чем-нибудь помочь.

– Нет, не беспокойся, ничего страшного. Я почувствовала легкую дурноту, но теперь мне лучше.

– Рад это слышать, – серьезно сказал Вез. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но вместо этого стал усиленно разглядывать толпу. Наступило неловкое молчание.

– Мой отец говорит, что такие собрания – источник жизненных сил нашего общества, – наконец произнес Вез. – Мне кажется, он прав. А ты как думаешь?

Хизи вспомнила своего отца.

– Вполне вероятно, – сказала она.

И снова неловкое молчание. Хизи поняла, что с ее губ уже готова сорваться какая-нибудь грубость, но она не дала себе волю. Может быть, близкие ей люди, Тзэм например, не так бы ее раздражали, если бы она хоть немного считалась с их желаниями. И очевидно, поэтому отец так настойчиво требовал, чтобы она сегодня пришла, именно по этой причине. Дочерей выгоднее всего отдавать замуж рано.

Вез был довольно любезный, да и внешне выглядел приятно. Если даже за героя он не сойдет, то уж другом он может стать, почему же нет. Она ухватилась за эту мысль – обрести близкого друга, которого потерять было бы так же жалко,

как Дьена. Но, правда, сейчас об этой утрате она уже думала спокойно, она перестала быть невыносимой, как год назад или еще даже несколько дней назад.

– У меня есть лодка, – начал осторожно Вез. – Маленькая барка с каютой. Отец подарил мне ее на мое пятнадцатилетие. Ты любишь кататься на лодке?

«Почему, – размышляла Хизи, – этот мгновенный переход от источника жизненных сил общества к лодке?»

– Не знаю. Мне никогда не приходилось кататься, – сказала она.

– О, это так здорово! – воскликнул он радостно. – Представь себе, что ты пират из Болотных Царств, как в романтических пьесах. Кстати, ты любишь такие пьесы? Большинство девчонок от них без ума.

Хизи видела несколько пьес, которыми так восхищается Вез. Жалкая стряпня по сравнению с эпическими постановками вроде той, что они только что смотрели.

– А мне понравились танцы, которые мы видели, – удивительно тонкое воссоздание эпоса Шакунга.

– Мне показалось немного скучновато, – возразил неуверенно Вез, – как-то старомодно. На днях я смотрел драму о Чиихе, это такой пират...

– А на старом наречии это означает комар, – ответила Хизи.

Глаза у Веза расширились.

– Правда? – спросил он с удивлением. – Этим, наверное,

объясняется, почему у него такой длинный и тонкий меч. Может ли это быть? Как ты здорово все истолковала. Не сомневаюсь, ты сделала бы массу тонких наблюдений, если б пошла посмотреть такую пьесу. Может, даже со мной вместе? – Он нервно оглядел комнату.

– Ты ищешь пиратов? – поинтересовалась Хизи не без сарказма. – Не думаю, что мой отец одобрил бы их.

– Нет, конечно же нет. Я был...

Он закрыл глаза и прочистил горло.

– Мм-м... куда, куда уйдет твоя блистательная краса! Язык мой не смеет выговорить твое имя...

Из-за того, что он торопился и сбивался, слова превращались в нечленораздельную кашу, и Хизи только после двух строф поняла, что Вез читает свои – или скорее всего чужие – стихи.

– Прости, – прервала она его, неожиданно встав со скамьи, – прости меня, Вез Йехд Ну, но я вынуждена расстаться с тобой и пожелать тебе всяческого благополучия.

Вез поперхнулся словами и замолк, но вид у него был озадаченный и несчастный.

– Тебе снова нехорошо, принцесса? – спросил он.

– Да, Вез, ты угадал.

Отвернувшись от него, она жестом поманила Тзэма, который поглядел на нее с явным неодобрением. Прежде чем покинуть зал, она обернулась и окинула его взглядом; фонтан был на месте и вода в нем не поднималась выше обычно-

го уровня, но среди сверкающих капелек, ей показалось, она увидела, как со дна поднимается что-то темное. Она невольно вздрогнула и ушла, не сказав больше ни слова обеспокоенному Везу.

– Не очень-то учтиво с твоей стороны, принцесса, – упрекнул ее Тзэм, когда они вернулись обратно в Зал Мгновений, где их не могли подслушать. В зале вдоль стен стояли стражники в доспехах. Одинокий жрец усердно мел своей особой метлой для уничтожения духов, от которой шел дым, а мальчик-прислужник обычной метлой сгребал пепел в совок. Но все они находились довольно далеко и не могли слышать, о чем говорит принцесса со своим телохранителем.

Хизи пожалала плечами.

– Он идиот, Тзэм, глупый и необразованный. Что мне за польза от такого молодого человека?

– Ты когда-нибудь поймешь, какая польза от мужчин, или же проживешь всю жизнь старой девой... и может, выдадут тебя замуж без твоего согласия.

– Мне кажется, все браки вынужденные, если такие, как Вез, явление распространенное.

Тзэм покачал головой, потом почтительно наклонился, когда мимо прошли старый жрец с послушником.

– Но помимо всего прочего, я не совсем здорова, и ты это знаешь.

Не успел Тзэм ответить, как за их спинами раздался сдавленный крик. Хизи почувствовала, как волосы у нее на голо-

ве встают дыбом от ужаса, и ее снова всю передернуло. Она повернулась, чтобы посмотреть, что случилось.

Нечто не похожее ни на один из призраков, которых доводилось видеть Хизи, вдруг возникло в зале. Хизи показалось, что такую же нечисть с дрожащими неясными контурами она видела в брызгах фонтана в Большом зале. Призрак был огромный, в два раза крупнее Тзэма, и вместо ног у него были какие-то чудовищные крабы или пауки и все туловище было длинное, как расплющенная сороконожка. Хвост, которым он помахивал, был почти как шлейф на одном из ее платьев, а голова – гротескная масса из хитина и щупальцев и, что почти невероятно, глаза, человеческие глаза. Взгляд пугающе человеческий и голодный. И она знала, что жаждет он ее.

Стражники как будто застыли неподвижно в первое мгновение. Хизи боялась, что никто, кроме нее, его не видит. Затем вдруг чудовище пришло в движение, вся ужасающая груды ног и щупальцев. Один из стражников бросился на него, мелькнул кривой меч, он пытался перекрыть ему путь, крошечная фигурка рядом с гоблином. Воин всего один раз нанес удар, меч прошел беспрепятственно через тело чудовища и со всего маху со стуком упал на мраморный пол. Затем призрак прошел сквозь стражника, и тот упал, корчась от боли. Таких диких криков Хизи не слышала в своей жизни ни разу и не представляла, что они могут вырываться из человеческого нутра. Чудовище прыгнуло вперед, и второй страж-

ник, кинувшийся ему навстречу не без колебаний, упал замертво. Хизи казалось, что чудище, как и все призраки, не имеет твердой субстанции, но он был опасен. Она видела, как умер второй стражник – кожа его взбухла и начала расщепляться на глазах, а потом задымилась, как будто кровь в его теле неожиданно превратилась в пар.

Это было последнее, что она видела. Тзэм подхватил ее на руки и бросился бежать. Она увидела только, как жрец с пылающей метлой встал между ними и призраком.

Как в ночном кошмаре, она слышала взрывы и стук сердца Тзэма.

Тзэм бежал не останавливаясь, пока не донес ее до святилища в отдаленной части дворца, куда не было доступа ни одному призраку. Оставив ее внутри храма, он ждал у двери, крепко стиснув кулаки.

Подождав некоторое время, он погрозил ей пальцем.

– Никуда не уходи отсюда, – сказал он и тут же бросился по коридору туда, откуда они пришли.

– Тзэм! Нет, нет, вернись, – крикнула она, но было поздно – ее полувеликан уже исчез.

Он явно хотел меня. И он бы убил Тзэма глазом не моргнув. У него не было шеи, которую можно сломать, не было тела, по которому можно ударить палкой. Она вспомнила первого стражника, такого юного и такого отважного.

Опустошенная, испуганная, она сидела, подтянув колени к подбородку, шлейф ее платья был изорван, она не помнила

когда и как.

С помощью глубоких медленных вдохов и выдохов она пыталась обрести равновесие. И тут она заметила кровь.

Сначала она подумала, что ранен Тзэм, ей не приходило в голову, что это может быть ее собственная кровь. Но темные пятнышки были повсюду – на полу и на платье. Она дотронулась до пятен на ногах. Они были липкие. Это кровь, сомнений больше не было.

Но то, что это ее собственная кровь, она поняла не сразу. Нигде на теле не было ни царапин, ни ран. Значит, у нее началось кровотечение.

И теперь она взрослая женщина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРОКЛЯТЫЕ И БЛАГОСЛОВЕННЫЕ

I ВОЗВРАЩЕНИЕ СТАЛИ

Перкар стоял посреди вод огромной Реки. Поток хватал его за лодыжки и толкал вперед – настойчиво и далеко не так ласково, как богиня Ручья. Вдали, на берегу, располагались человеческие жилища, мысленно к Перкару пришло слово «город», хотя прежде он никогда не видал городов и ничего о них не слышал. Город был невообразимо огромен: ослепительное нагромождение белых зданий, и в этой огромности – превеликое множество мелких, как муравьи, людей.

Вода впереди Перкара забурлила, и явилась девочка. Ей было лет двенадцать. Ее темная кожа, черные глаза и крохотное личико с острым подбородком мало напоминало Перкару его возлюбленную-анишу, но, казалось, девочка давно знает Перкара: рукой она манила его к себе. Девочка прошептала его имя, странно прозвучавшее в ее устах. Перкар пожал плечами и сделал несколько шагов вперед. Шел он с охотой – но все же Река стала подталкивать его к девочке. Паника охватила Перкара, как это обычно бывает в кошмар-

ных снах. Он сделал усилие проснуться – и тут же, услышав собственный стон, открыл глаза и увидел, что лежит на своем одеяле.

* * *

– Никогда прежде я не видел подобных снов, – сказал Перкар Эруке. Оба они шли по звериной тропе вдоль гребня холма в надежде встретить дичь – запасы мяса иссякли, и Капка приказал сделать привал, что бы поохотиться.

– Я склонен поверить, что город, который ты описал, существует в действительности.

– Но это был всего лишь сон.

– Иные сны обладают значительной властью – особенно когда снится то, чего ты никогда не видел ранее. Мне однажды приснились отец, сестра, двоюродный дед и с ними бык, причем люди, голые, в одних только шапках, встав в круг, плясали и пели. Думаю, подобные сны ничего не значат, это просто крохотные призраки полученных нами впечатлений. Но в Великих Песнях говорится, что героям снятся сны, в которых они видят незнакомые земли, чудесные мечи, то есть то, чего никогда не видели прежде. Подобные сны посылают могущественные боги.

– Твоя сестра – как она выглядела, голая?

Эрука добродушно похлопал его по плечу.

– Моя сестра уже взрослая женщина, в сравнении с при-

сбившейся тебе девочкой, блуждающей среди каменных башен и белых улиц. Совсем взрослая. Я едва бы смог обхватить ее обеими руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.